

Методология, теория и история психологии

Теория и методология психологии

Постнеклассическая перспектива

Ответственные редакторы:
А. Л. Журавлев, А. В. Юревич

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Методология, теория и история психологии

Коллектив авторов

**Теория и методология психологии.
Постнеклассическая перспектива**

«Когито-Центр»

2007

УДК 159.9.018
ББК 88

Коллектив авторов

Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива / Коллектив авторов — «Когито-Центр», 2007 — (Методология, теория и история психологии)

ISBN 978-5-9270-0093-7

В книге, представляющей собой сборник статей ведущих отечественных методологов психологии, рассматриваются ее наиболее актуальные методологические проблемы — как «вечные», сопровождающие психологическую науку с ее первых шагов, так и новые, обострившиеся на постнеклассической стадии ее развития. Описывается судьба ряда базовых исследовательских направлений отечественной психологии, их современное состояние и перспективы. Анализируются возможности интеграции психологии, традиционно разобщенной на различные школы и исследовательские направления, перспективы построения единой психологии в условиях легализации методологического плюрализма, характерного для современного этапа ее развития. Книга предназначена для психологов, безразличных к методологическим проблемам психологической науки и практики, а также для представителей смежных наук, интересующихся методологией социогуманитарного познания.

УДК 159.9.018
ББК 88

ISBN 978-5-9270-0093-7

© Коллектив авторов, 2007

© Когито-Центр, 2007

Содержание

Введение	6
Часть I	10
ОСОБЕННОСТИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ	10
ПСИХОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	22
ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИИ	29
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива

Введение

Российские психологи традиционно проявляли большой интерес к методологии, которой были посвящены наиболее известные труды классиков отечественной психологической науки. Затем в российской психологии, как и во всем нашем обществе, наступило время прагматики, подавляющее большинство наших психологов устремилось в практику, предав забвению методологические проблемы, изучение которых превратилось в непопулярное занятие. Но в последние годы «маятник» качнулся в обратную сторону, и в настоящее время наблюдается целый ряд симптомов возрождения интереса к методологии.

Основные проявления возрождения интереса к методологическим вопросам психологии, равно как и его причины, сами по себе выглядят важной социально-методологической проблемой. Среди этих причин можно упомянуть и трудности, которые неизбежно испытывают наука и основанная на ней практика, развиваясь в условиях необеспеченности своих «тылов» — нерешенности базовых методологических вопросов; и то, что к прежним «вечным» методологическим проблемам психологии добавились новые, порожденные в том числе и развитием психологической практики; и притягательность наиболее сложных проблем любой науки, к которым она обречена регулярно возвращаться; и некоторая утомительность прагматики, регулярно порождающей «романтические» настроения; и новые методологические вызовы науке, вступившей на постнеклассическую стадию развития. В результате психология сейчас переживает ренессанс интереса к методологии, проявлением которого является и эта книга.

Не одно поколение психологов, причем наиболее известных, чьи имена вошли в учебники, пыталось разрешить основные, в терминах Т. Куна, «головоломки» психологической науки, такие как психофизическая, психофизиологическая и психосоциальная проблемы, предпринимало попытки либо построить ее по образцу естественных наук, либо, наоборот, развивать ее как самобытную науку, не похожую ни на одну другую научную дисциплину, объединить психологию путем построения единой психологической теории и т. п. Эти попытки не остались безрезультатными. Без них не было бы ярчайшей истории психологической науки, не было бы и учебников психологии, которые содержат в основном не столько характерное для точных наук «твердое» знание, сколько описание проблем и идей, ими порожденных, не было бы и многого другого, чем по праву гордится психология. Однако главные методологические проблемы, возбуждавшие мысль классиков психологической науки, не решены до сих пор, они все так же актуальны и современны.

К тому же, как хорошо известно из истории науки, интерес к методологическим проблемам обостряется во время ее кризисов и парадигмальных «разломов», проявляющихся в переходах от одних парадигм к другим или в изменении их соотношения. Неупорядоченное состояние психологического знания и отсутствие ясного пути развития психологической науки, которые принято воспринимать как ее кризис, были характерны для нее всегда, сопровождая эту науку с самых первых ее шагов (хотя время от времени возникали иллюзии преодоления кризиса), а основные симптомы кризиса, ранее описанные У. Джемсом, Ж. Пиаже, Л.С. Выготским, С. Л. Рубинштейном и другими классиками психологической науки, практически ничем не отличаются от симптомов, выделяемых современными исследователями. Методологические «разломы» современной психологии во многом обусловлены изменением соотно-

шения давно соперничающих в ней гуманитарной и естественнонаучной традиций (в других терминах – объяснительной и понимающей психологии и др.), распространением методологического плюрализма и другими подобными явлениями. В результате в современной психологии существуют все основные предпосылки не только возрождения интереса к ее «вечным» методологическим проблемам, но и его обострения, превращения их в то, что Д.Т. Кемпбелл называет наиболее «горячими» проблемами психологической науки.

Психология не могла остаться в стороне и от тех изменений в основаниях научного познания, которые сопутствовали переходу науки на постнеклассическую стадию развития. Эти изменения наиболее отчетливо проявились в естествознании, но сказались и на социогуманитарных дисциплинах, которые традиционно равнялись на естествознание и стремились быть на него похожими (хотя недостижимость этой мечты регулярно порождала и прямо противоположные интенции). Поэтому не мог не возникнуть вопрос о том, что представляет собой постнеклассическая наука применительно к психологии: достигла ли она этой стадии развития, если нет, то почему, а если да, то в чем это проявляется и как сказывается на ее методологических основаниях.

Предваряя ответ на данный вопрос, который в самых разных вариантах дают авторы этой книги, отметим, что одно из характерных для постнеклассической науки постмодернистских веяний в психологии настолько очевидно, что может быть зафиксировано в качестве констатации, а не вопроса. Это распространение плюралистической методологии, проявляющееся в отказе от монистических платформ построения знания и попыток построения «единственно правильной» теории, в признании соперничающих теорий в равной мере адекватными и жизнеспособными ответвлениями «древа» психологического познания. Однако методологический плюрализм не прочно закрепился в профессиональном самосознании психологов, а вызвал у них неоднозначное отношение, привел не столько к решению, сколько к обострению базовых методологических проблем психологической науки, содействовав ее методологическому усложнению, а не упрощению. Не пытаясь рассмотреть все многообразие вариантов этого отношения, отметим, что оно в принципе сводимо к трем доминирующим формам. Одни психологи приняли методологический плюрализм с большой радостью и неподдельным энтузиазмом – как своего рода «миротворческую» методологию, позволяющую примирить конфликтующие теории и сохранить все многообразие психологической мысли. Другие встретили его в штыки – как размывание оснований психологической науки, порождающее дискомфортное состояние, сопоставимое с чувством «материя исчезает», некогда распространенным среди естествоиспытателей. Третьи плюрализм приняли, но весьма критически, с пониманием того, что примирение психологических теорий (школ, течений и т. д.) не решает, а лишь порождает главную проблему – «наведения мостов» между этими теориями и интеграции психологического знания.

Необходимо подчеркнуть важную особенность психологической науки, кардинальное отличие траектории ее развития от типового пути естественных наук, на которые она долгое время ориентировалась. Это отличие состоит в том, что, если естественные науки сначала решают свои базовые методологические проблемы, вырабатывают общеразделяемые основания научного знания, накапливают это знание и лишь затем находят его практическое применение, то в психологии, напротив, практика существенно опередила теорию и методологию. Психолог-практик стал одним из символов современного «психологизированного» мира, психологическая практика стремительно разрастается, не имея под собой сколь-либо прочных научных оснований. Эта парадоксальная ситуация сама по себе нуждается в методологическом осмыслении, порождая вопросы о связи психологической науки и практики, о том, почему психологическая наука недостаточно практична, а психологическая практика – недостаточно «научна» и др.

Подобные явления породили новые методологические вызовы психологической науке и заставили громче звучать прежние вызовы, большая часть которых до сих пор остается безответной. Все это, а также целый ряд других важных событий в многогранной жизни психологической науки, создает новый социально-методологический фон, на котором подготовлена эта книга и который служит для ее авторов главным предметом осмысления.

Еще одним «раздражителем» для ее авторского коллектива послужил специфический, сложившийся за рубежом образ российской психологии, который печально известен любому нашему психологу, состоящему с зарубежными коллегами в регулярных контактах. Одна из главных слагаемых этого образа – представление о том, что российская психология – это А.Р. Лурия, Л.С. Выготский и другие представители той блестящей плеяды наших психологов, со времен которых в ней якобы не сделано ничего существенного. Не вступая в полемику относительно этого образа, не лестного для современной российской психологии, создатели книги поставили перед собой задачу проследить, как сложилась судьба основных исследовательских традиций, заложенных классиками отечественной психологической науки, а также представить ряд новых теоретико-методологических подходов, демонстрирующих, что она не стоит на месте.

«Методология» – один из наиболее всеобъемлющих и самых запутанных терминов, в который вкладывается самый разнообразный смысл. Говорят об общефилософской методологии науки или философии науки, об общей методологии конкретных наук, в т. ч. и психологии, о методологии конкретных исследований и т. д., а выделение различных уровней методологии хотя и несколько упорядочивает картину, но не лишает этот термин его многозначности. В настоящей книге речь идет преимущественно об общей методологии психологии, которую за рубежом чаще называют философией психологии, и именно на этом уровне методологического анализа основная часть ее авторов строит свои рассуждения. В то же время и на данном уровне можно выделить два, хотя и взаимосвязанных, но все же различных смысла термина «методология». Один смысл – *прескриптивная* методология, предписывающая психологической науке и практике, какими путями им следует развиваться. Другой смысл и, соответственно, вид методологии – *аналитическая* методология, осмысление, а не предписывание методологических традиций. Настоящая книга, не лишенная отдельных прескриптивных элементов, в основном выполнена в русле аналитической методологии, а главный предмет размышлений ее авторов – происходящее в современной психологии, а не методологические предписания ей.

Разумеется, базовые методологические проблемы психологии столь многочисленны, сложны и многообразны, что попытка охватить их в одной книге была бы абсурдной. Немало проблем осталось за ее пределами, а представленный в ней анализ сосредоточен на трех основных темах, определяющих структуру книги, хотя в силу интегрального характера этих тем и их теснейшего переплетения со многими методологическими проблемами психологической науки, в ней, естественно, обсуждаются и многие другие вопросы. Ее первая часть посвящена новым методологическим тенденциям в психологии, обусловленным переходом науки на постнеклассическую стадию развития. Во второй части анализируется современный этап развития базовых исследовательских традиций отечественной психологии, а также описываются разрабатываемые в ней новые теоретико-методологические подходы. В третьей части обсуждаются перспективы интеграции психологии в условиях методологического плюрализма, характерного для современной, постнеклассической науки, отсутствия монополии на «единственно правильное» понимание и изучение психологической реальности. Что же касается других ключевых методологических проблем психологической науки – проблемы ее прогресса и его критериев; целей, стандартов и структуры психологического объяснения; изменения соотношения гуманитарной и естественнонаучной парадигм и др., то авторы и составители книги предполагают сделать их предметом последующих совместных трудов. Т. е. «продолжение следует», вследствие чего у этой книги есть введение, но нет заключения.

Хотя научный замысел этой книги принадлежит Институту психологии РАН, ее авторы представляют различные научно-образовательные центры и разные исследовательские традиции. Вместе с тем их объединяет принадлежность к своеобразному незримому колледжу «методологов психологии», озабоченных состоянием этой науки и регулярно анализирующих его в своих работах. Очень симптоматично и не менее отрадно, что в последние годы этот «незримый колледж» быстро разрастается, а сложившиеся в нем связи становятся все более зримыми и крепкими. Хочется надеяться, что он продолжит славные традиции отечественной методологической школы, которые в конце истекшего века отошли у нас на второй план, оттесненные прагматическими тенденциями.

Как и всякий *сборник научных трудов*, эта книга представляет собой *полилог* ее авторов об обозначенных проблемах. Авторы придерживаются разных, подчас альтернативных позиций. В условиях постнеклассической науки, методологического плюрализма и невозможности какой-либо методологической монополии этот полилог неизбежно перерастает в полемику авторов друг с другом, которая отображает методологическое «многоголосие», характерное для современной психологии. Здесь уместно вспомнить мысль К. Поппера о том, что лучший способ развития идей – их критика, именно она, а не апологетическое продолжение тех или иных исследовательских традиций, всегда служила основой развития науки. Трудно не согласиться и с Д.Т. Кемпбеллом в том, что социогуманитарные науки нуждаются во взаимной критике в большей степени, нежели естественные, поскольку лишены целого ряда средств верификации гипотез – возможности изоляции независимых переменных и др., которыми располагает естествознание. И именно критика исследователями друг друга служит единственно возможным способом «наведения мостов» между этими традициями, преодоления их, в терминах Т. Куна, «несоизмеримости», необходимого для долгожданной интеграции психологии.

А.Л. Журавлев,
А.В. Юревич

Часть I

СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА

ОСОБЕННОСТИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

А.Л. Журавлев

Каждый исторический период в развитии психологической науки характеризуется своими приоритетными направлениями и проблемами, различным уровнем популярности объектов исследования, реализацией ведущих методологических принципов, неравномерным развитием и применением основных методов исследования, особенно наблюдения, разных форм эксперимента и т. д. В настоящее время приоритетными в большой мере становятся междисциплинарные исследования, и это касается не только психологии или социо-гуманитарных наук, но и всей науки в целом. Естественно, возникает вопрос: почему принцип междисциплинарности в организации современных научных исследований стал широко обсуждаться, а также активно реализовываться именно в конце 90-х годов XX в.? Интересно и то, что с началом нового, XXI в. совпала и реструктуризация Российской академии наук, призванная укрупнить структурные подразделения РАН, интегрировать сложившиеся до этого времени научные организации в соответствии с принципом междисциплинарности. В результате то первичное структурное объединение РАН, в которое входит психологическая наука, называется «Секция философии, социологии, психологии и права», а более крупное – «Отделение общественных наук».

Ответить на поставленный вопрос далеко не просто, тем более, что объяснение такого рода сложных явлений никогда не бывает однозначным. Тем не менее, если говорить об особенностях развития психологической науки двух последних десятилетий, то можно высказать некоторые предположения, касающиеся специфики междисциплинарных исследований в психологии.

НЕКОТОРЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПСИХОЛОГИИ

Во- первых, психологические исследования в интересующий нас период, особенно в 90-е годы XX в., убедительно показали, что общественные запросы на научно-психологические разработки, вызванные объективными потребностями, были по своей сути всегда комплексными и фактически обращенными к целому ряду научных дисциплин. В качестве очевидных примеров можно привести следующие темы таких запросов:

- формирование индивидуального и группового сознания в кризисном обществе;
- массовая адаптация людей к радикально изменяющимся экономическим и политическим условиям;
- становление новых социальных групп в российском обществе, освоение современной техники и новейших технологий;
- поддержание психического здоровья населения России;

- преодоление экологических, социальных, психологических и других последствий Чернобыльской катастрофы;
- информационно-психологическая безопасность российского общества;
- противостояние террористической угрозе и преодоление последствий террористических актов и т. д.

Практикующие исследователи убедились в том, что невозможно эффективно решать стоящие перед ними задачи, не привлекая либо знания, накопленные в других науках, либо представителей соответствующих научных дисциплин для совместных исследований. По нашему мнению, именно взаимодействие психологической науки и общественной практики в последние десятилетия привело психологов к осознанию острой необходимости междисциплинарных исследований. Общественная потребность решать возникающие практические задачи фактически «подталкивает» психологов к организации таких исследований.

Но важен далеко не только **практический фактор**. Следует учитывать, *во-вторых*, что внутреннее развитие самой психологической науки уже обеспечило такое состояние и уровень знания, при которых психологи сами могут предлагать представителям смежных наук апробированные принципы и способы решения актуальных комплексных проблем в целом или их отдельных аспектов, стимулируя тем самым междисциплинарные исследования. Это **внутренний фактор** междисциплинарности в психологии. Потребность обращения к другим наукам является результатом внутренних закономерностей развития психологии и тем самым характеризует ее современный этап и состояние.

В-третьих, аналогичная картина сложилась и во многих других науках: медицинской, педагогической, экономической, социологической, политической и т. д. Представители этих дисциплин хорошо осознают, что вариант самостоятельного (в смысле автономного) и самодостаточного развития науки имеет явные ограничения. Именно в перечисленных и ряде других научных дисциплин возникла острая потребность в психологических знаниях, крайне необходимых для понимания и решения многих типичных для них проблем. Этот фактор, по сути, может быть назван **внешним**.

В контексте рассмотрения обозначенного выше вопроса следует сказать о главном: сама проблема психического изначально является междисциплинарной. В ее исследовании у психологической науки нет и не может быть монополии: феномен психики по своей объективной природе предполагает междисциплинарность его изучения. Среди важнейших наук, изучающих психику и поведение, сегодня должны быть названы, по самой меньшей мере, генетика, нейрофизиология, этология, философия, социальные науки, психиатрия и многие другие. Такое положение во многом определило стремление психологов к организации междисциплинарных исследований и к привлечению для участия в них представителей других специальностей. Реализация принципа междисциплинарности нередко, а иногда и даже незаметно для самих исследователей, постепенно становилась одним из критериев оценки уровней *фундаментальности, масштабности и современности* того или иного исследования, причем независимо от отрасли науки.

ОСНОВНЫЕ УРОВНИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПСИХОЛОГИИ

В психологической науке междисциплинарность реализуется в исследованиях нескольких, как минимум, трех уровней. Первый – **внутрипсихологический** – подразумевает исследования тех проблем, которые возникают на границах различных психологических направлений и отраслей. Учитывая, что только отраслей психологии в настоящее время насчитывается свыше сотни, можно с уверенностью утверждать:

междисциплинарные исследования внутрипсихологического уровня в настоящее время уже стали нормой. Более того, именно они во многом определяют современное развитие психологической науки, порождая многочисленные промежуточные подотрасли, фактически ставшие зонами наиболее интенсивной разработки и накопления новых психологических знаний. Внутрипсихологический уровень, в свою очередь, может быть разделен на два подуровня. Во-первых, это отраслевой, а точнее, внутриотраслевой уровень, к которому можно отнести исследования на границах разных научных разделов, направлений, проблем или тем, но внутри конкретной отрасли психологии. Во-вторых, это *межотраслевой* уровень исследований, сформировавшийся на границах самых разных отраслей психологии. Если для примера проанализировать реально существующие «пограничные зоны» исследований в рамках лишь одной психологической отрасли – социальной психологии – с другими, также психологическими отраслями, то можно уже сегодня выделить более десятка сложившихся подотраслей: социопсихолингвистика, социально-политическая, социально-экономическая, социально-экологическая психология, социальная психология труда и управления, социальная психология личности, социально-педагогическая психология, социальная психология искусства, социальная психология спорта и т. д. Такая же тенденция характеризует современное развитие практически каждой традиционной отрасли психологии.

Предложенная дифференциация внутрипсихологического уровня междисциплинарных исследований на внутри- и межотраслевую междисциплинарность позволяет поставить, с одной стороны, относительно частный вопрос о правомерности выделения отраслевого подуровня внутрипсихологической междисциплинарности, а с другой – более общий и актуальный вопрос о критерии (или основании) квалификации тех или иных исследований как междисциплинарных. Обязательным ли их условием является наличие разных научных дисциплин, отраслей, на пересекающихся границах которых выполняются исследования, или они могут пониматься более широко как синтезирование, интеграция разных подходов, научных направлений, проблем и т. д., в том числе и в рамках одной и той же отрасли психологии? Пока этот вопрос остается в числе дискуссионных.

Явным свидетельством распространенности междисциплинарных исследований внутрипсихологического уровня являются также часто возникающие перед Учеными советами трудности, связанные с отнесением диссертационных работ к одной из психологических специальностей, утвержденных ВАКом РФ. И хотя сам перечень специальностей регулярно пересматривается и делается более современным, трудности от этого не исчезают. Принципиальная сложность состоит в том, что идеи многих исследований рождаются именно на границах разных специальностей.

В настоящее время большой интерес вызывает вопрос о перспективах развития междисциплинарных исследований внутрипсихологического уровня, причем не только очевидных, закономерно ожидаемых, явно пересекающихся психологических проблем, научных направлений, дисциплин или отраслей, но и не столь очевидных или совсем неожиданных.

- Первое, что стоит отметить, – это постепенное формирование **социальной психофизики** и развитие соответствующих исследований – этот процесс является неизбежным, так как естественная среда, психофизика восприятия которой сегодня активно изучается в ИП РАН, включает в себя важнейшие социальные компоненты. Поэтому после того, как сделан шаг в развитии психофизики восприятия естественной среды, закономерным становится интеграция психофизических и социально-психологических исследований. Социальная психофизика уже сегодня фактически включает в себя кросскультурные психофизические исследования и имеет серьезные перспективы развития наряду с классической и субъектной психофизикой.

- Второе, что заслуживает серьезного внимания психологов, – это активное формирование смежных дисциплин на границах современной психофизиологии с другими и психологическими, и непсихологическими отраслями, особенно в связи с использованием методов картирования активности мозга и переходом к психофизиологическому анализу поведения, в том числе групповых его форм, в естественной среде. Так, интеграция нейронаук и психофизиологии, с одной стороны, и социальной и когнитивной психологии, с другой – способствует формированию, в узком значении, **социальной психофизиологии**, а в более широком – социально-когнитивной нейронауки. Интеграция психофизиологии и экономической психологии в исследовании психофизиологических основ экономического поведения позволяет подойти к формированию *социально-экономической психофизиологии* как научного направления и т. д.

Сегодня никого из специалистов уже не удивляют и тем более не шокируют перечисленные и многие другие междисциплинарные формы интеграции теоретических подходов, методов исследования, научных дисциплин и отраслей науки.

Говоря о втором – **внешнепсихологическом** – уровне междисциплинарности, подразумевают исследования, пограничные с другими науками: медициной, физиологией, техническими науками, лингвистикой, историей, экономикой, социологией, наукой управления, политологией, этнологией и т. д. Здесь перечислены лишь те науки, с представителями которых сотрудники Института психологии РАН ведут совместные междисциплинарные исследования в таких отраслях психологии, как инженерная психология и психолингвистика, организационная психология и психология управления, социальная, историческая, политическая, экономическая и этническая психология, психофизиология, психоонкология, или психосоциальная, поведенческая онкология и др., сформировавшихся именно на соответствующих границах с вышеперечисленными науками.

В этой связи возникает закономерный вопрос о том, в каких же направлениях целесообразно развивать в дальнейшем междисциплинарные исследования внешнепсихологического уровня? Ответ вытекает из наличия относительных «белых пятен» на границах психологии с другими социо-гуманитарными науками, прежде всего, с этикой, культурологией и регионалистикой (или регионоведением). Научный статус только формирующихся *этической психологии* (или психологии нравственности) и *психологии культуры* по-прежнему остается сложным, требующим глубокого и специального анализа, поэтому данный вопрос целесообразно рассмотреть в другом научном контексте.

Сейчас же очень важно сказать об острой необходимости развивать так называемую *региональную психологию*. И если современная этническая психология развивается уже достаточно хорошими темпами, то психологические исследования, учитывающие региональный фактор как основной, по-прежнему остаются редкими. Причем такое состояние региональной психологии имеет место на фоне чрезвычайно интенсивного развития регионоведения и регионалистики – междисциплинарных научно-практических направлений, в разработку которых сегодня включены историки, экономисты, филологи, социологи, политологи и специалисты других социо-гуманитарных наук, но явно в недостаточной степени – психологи.

В связи с развитием междисциплинарных исследований внешнепсихологического уровня необходимо отметить и постепенно растущую востребованность психологического знания представителями многих смежных наук, особенно при разработке комплексных проблем человека и отдельных социальных групп, а в последние годы – и общества в целом. Именно для обозначения этой тенденции целесообразно использовать понятие «**междисциплинарная релевантность**» психологической науки и говорить о возрастании этой релевантности,

что в целом нужно оценить позитивно, хотя и здесь возникают непростые вопросы, требующие дальнейшего специального обсуждения.

Необходимо обратить внимание и на третий уровень междисциплинарности, имеющий некоторую специфику, характерную именно для психологии: она не только успешно функционирует на границах с другими науками, но и отдельные ее отрасли полностью «внедрились» в ряд наук, реально став их структурными составляющими и специальностями (в этом принципиальное отличие психологии). Имеются в виду следующие отрасли психологической науки: инженерная психология (**психология!**) как техническая специальность, клиническая психология как медицинская, социальная психология как социологическая, психофизиология как медицинская и биологическая специальность. Четыре отрасли – это, несомненно, уже закономерность, которая утвердилась в качестве таковой за последние два десятилетия. И перспектива состоит в том, что выделенная тенденция будет развиваться и нарастать.

В настоящее время подобная картина начинает складываться и в экономической психологии, основные направления и проблемы которой интенсивно развиваются в структуре не только психологической, но и экономической науки под специфическим названием «поведенческая экономика». Об этом свидетельствуют читаемые психологами или экономистами спецкурсы по экономической психологии (или поведенческой экономике) на экономических факультетах, подготовленные экономистами содержательные учебные пособия по экономической психологии, регулярно вызывающие интерес как у психологов, так и у экономистов научно-практические конференции на базе учреждений экономического профиля (например, Санкт-Петербургского университета экономики и финансов, Байкальского университета экономики и права и др.), а главное – выполняемые экономистами научно-исследовательские работы и публикуемые ими научные труды по экономической психологии.

Если же говорить об экономической науке на Западе, то в ее структуре сформировалась и достаточно успешно функционирует так называемая «бихевиоральная экономика», представляющая собой гуманитарно, но, прежде всего, психологически ориентированную отрасль экономической науки, тесно интегрированную (формально и содержательно) с экономической психологией как структурной составляющей психологической науки.

Обозначенная тенденция развития психологической науки требует дополнительных комментариев. Развитие различных отраслей психологии в качестве специальностей в рамках других наук, *во-первых*, следует рассматривать, как специфическую форму интеграции психологии с другими соответствующими науками, которая неизбежно приводит их к взаимному обогащению новыми знаниями. То есть фактически необходимо выделить третий, характерный для психологии, уровень реализации принципа междисциплинарности в исследованиях. В соответствии с логикой обозначения предыдущих двух уровней его можно было бы, но лишь условно, назвать «**внепсихологическим**».

Во-вторых, опыт становления четырех названных выше отраслей психологии показал, что психологи не только не возражали и не противодействовали этой тенденции, но, наоборот, проявляли большую заинтересованность и реально способствовали процессам, наметившимся еще в конце 70-х – начале 80-х годов XX в. Хорошо известно, что руководители и сотрудники Института психологии АН СССР – Б.Ф. Ломов, К.К. Платонов, В.Ф. Рубахин, Е.В. Шорохова и др. – принимали непосредственное участие в формировании инженерной, социальной и клинической психологии в структурах соответственно технических, социальных и медицинских наук. Сегодня, когда при принятии решений по любым вопросам, связанным с организацией и развитием науки, приходится учитывать финансовые расчеты, такую форму «дополнительного», «внепсихологического» становления и функционирования разных отраслей психологии можно квалифицировать как чрезвычайно экономичный вариант их развития с высоким для психологов КПД.

В- третьих, возможен в принципе аналогичный, хотя по сути обратный процесс, когда конкретная и актуальная отрасль (или специальность) другой науки могла бы развиваться в психологии и стать ее структурной составляющей. Если говорить не о будущем, а о сегодняшнем состоянии, то такой вариант «двойного» функционирования мог бы реализоваться, например, в случае *психотерапии*, возникшей и развивающейся в недрах медицинской науки. Однако о сложностях и даже острых дискуссиях вокруг занятий психологов психотерапевтической практикой очень хорошо известно. Противодействие в этом вопросе со стороны специалистов медицинского профиля столь велико, что он практически не решается. Хотя справедливости ради нужно сказать, что сами психологи не пытались при этом принципиально пересмотреть программы своей профессиональной подготовки, чтобы быть готовыми, хотя бы в какой-то степени, профессионально заниматься научными исследованиями и практиковать в области психотерапии. При таком положении дел совершенно естественно, что психологами разрабатываются и применяются на практике психологические (а не психотерапевтические) воздействия, помощь, коррекция, консультирование и т. п.

В настоящее время в качестве специальности, имеющей «двойной статус», могла бы развиваться и другая медицинская область знания – *психосоматика*. С одной стороны, она является специфической областью психопатологии, поэтому совершенно естественно развивается как отрасль медицинской науки и практики, а с другой – изучает многообразные психосоматические явления, характерные для нормы, чем всегда продуктивно занимались психологи. В будущем положение, скорее всего, изменится, реальностью станет «симметричное» развитие в психологической науке некоторых отраслей других, близких ей дисциплин, и не только медицинских.

Выделяя три основных уровня реализации принципа междисциплинарности в психологической науке, необходимо осознавать возможность более тонкой дифференциации и, соответственно, выделения значительно большего их числа, что частично уже было реализовано выше, однако в рамках предварительного рассмотрения продолжать это в данной работе мы считаем нецелесообразным.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПСИХОЛОГИИ

Хорошо известно: чтобы выбрать перспективные пути развития психологической науки, очень полезно обратиться к ее истории. Поэтому адекватно относиться, в частности, к междисциплинарным исследованиям в психологии – означает всесторонне учитывать накопленный исторический опыт. Несомненно, история отечественной психологии чрезвычайно богата традициями междисциплинарных исследований, заслуживающими отдельного анализа. Не претендуя на полноту рассмотрения, ниже приведем несколько, по нашему мнению, наиболее ярких примеров успешного продвижения психологической науки, основанного на организации именно междисциплинарных исследований.

Первым, без сомнения, должен быть назван В. М. Бехтерев: психиатр и психоневролог, невропатолог и, конечно же, психолог, успешно занимавшийся общей и экспериментальной, клинической и социальной психологией, психологией личности и психофизиологией и др. Междисциплинарность изначально выступала неотъемлемой, существенной характеристикой его исследований, однако наиболее ярко она проявилась в первой четверти XX в. В. М. Бехтерева можно было бы назвать специалистом по всестороннему изучению человека, при этом имея в виду предельно широкий диапазон его исследований: от анализа физиологических механизмов деятельности мозга до рассмотрения нравственных регуляторов поведения человека. В этом контексте уместно вспомнить факт уже современной истории, связанный с В. М. Бехтеревым. Именно психологи (наибольший вклад внес Б.Ф. Ломов) смогли обосно-

вать и добиться утверждения медали имени В. М. Бехтерева в Российской академии наук за особо значимые результаты научных исследований человека и, прежде всего, психологических исследований. Первая такая медаль была присуждена выдающемуся психологу, сотруднику Института психологии РАН Я.А. Пономареву за цикл исследований по психологии творчества, однако она оказалась для психологов и последней, так как усилиями авторитетных физиологов данная медаль была передана «ведомству» физиологической науки. И одним из обоснований служило то, что В. М. Бехтерев – выдающийся физиолог. Такое решение во многом было административным, так как «разделить» крупного ученого между психологией и физиологией и определить, кем он являлся в большей мере – психологом или физиологом, невозможно, ибо вся его профессиональная деятельность была, по сути, глубоко междисциплинарной.

Другой хорошо известный исторический пример – это комплексные исследования человека, выполненные большим научным коллективом под руководством Б.Г. Ананьева в 60-е – начале 70-х годов XX в. Программа его работы, наряду с основной психологической частью, включала анализ даже антропологических и биохимических характеристик человека, не говоря уже о регистрации физиологических и других переменных, традиционных для психологических исследований того времени. Комплексность исследований понималась, прежде всего, как объединение, интегрирование данных о человеке, полученных с помощью взаимодополняющих методов из разных отраслей психологии, а также различных научных дисциплин, и установление закономерных взаимосвязей. Его главная работа «Человек как предмет познания» отражает, пожалуй, не только наиболее полную для своего времени совокупность знаний о человеке, но и содержит завершенную систему научных представлений о нем, основанную на междисциплинарных исследованиях.

Третий пример связан с историей создания и становления Института психологии РАН и научной деятельностью его организатора и первого директора (1971–1989 гг.), члена-корреспондента АН СССР, профессора Б.Ф. Ломова. Самые первые проекты организации ИП АН СССР, программа научно-исследовательской деятельности и административно-организационная структура этого учреждения разрабатывались им для проведения комплексных, междисциплинарных, многосторонних исследований психических явлений. Именно с этой целью в ИП АН СССР приглашались для работы представители различных наук: философии, математики, физиологии, технических, медицинских, социальных дисциплин и др.; создавались целые научные подразделения, призванные разрабатывать именно пограничные, междисциплинарные проблемы (лаборатории психофизики, психофизиологии, нейрофизиологических основ психики, математической, инженерной, социальной, исторической психологии, психолингвистики и т. д.). Здесь, безусловно, сказалось существенное влияние научных школ В. М. Бехтерева и Б. Г. Ананьева. Первоначально результаты научных исследований ИП АН СССР представляли собой огромную совокупность интересных, но разнородных данных о психике человека, поэтому главная роль системного подхода в психологии, обоснованного и разработанного Б.Ф. Ломовым в середине 1970-х годов, заключалась в интеграции разнородного и разноуровневого научного знания о психическом, причем не только психологического, но и полученного другими науками, изучающими психику. История научной деятельности ИП АН СССР (а позднее ИП РАН) убедительно показала, что именно комплексный и системный подходы позволили создать и развить современную систему научных представлений о психике человека, построенную на основе ее междисциплинарных исследований.

В 1990-е годы и на рубеже XXI в. историческая преемственность проявилась в деятельности научного коллектива ИП РАН, руководимого членом-корреспондентом РАН, профессором А.В. Брушлинским. В этот период, *во-первых*, устойчиво развивались междисциплинарные связи психологии с целым рядом социальных и гуманитарных наук: философией, правом, социологией, филологией, этикой, политологией, этнологией, экономической наукой и др. А *во-вторых*, историческая преемственность, несомненно, обнаружилась в науч-

ной деятельности философско-психологической школы С. Л. Рубинштейна, наиболее активно работавшими учениками и последователями которой были А.В. Брушлинский, Е.А. Будилова, Е.В. Шорохова, а в настоящее время ее яркими представителями являются К.А. Абульханова и Л.И. Анцыферова. Субъектный (субъектно-деятельностный) подход (принцип, теория) в психологии, успешно развивавшийся А.В. Брушлинским, а в настоящее время разрабатываемый К.А. Абульхановой, безусловно, характеризуется комплексностью и системностью и основан, в свою очередь, на междисциплинарных знаниях о психическом. Становление и развитие этого подхода строились на постоянном сопоставлении фактов, полученных в психологических исследованиях, с данными, накопленными в области математики, кибернетики, логики, лингвистики, этики и, конечно же, философии. Учитывая историю развития научных исследований в Институте психологии РАН, закономерно, что именно его сотрудники выступили организаторами научной конференции по обсуждению современного состояния междисциплинарных исследований в психологической науке («Психология: современные направления междисциплинарных исследований», октябрь 2002 г.).

Междисциплинарность как характерное качество психологических исследований во многом определяется самим положением психологии в современной системе наук. Примечательным является то, что и сами психологи (например, Б.Г. Ананьев, Ж. Пиаже и др.), и специалисты по методологии науки (Б.М. Кедров) высказывали согласованное мнение: психология занимает **центральное место** в системе научного знания, находясь на пересечении естественных, технических, общественных и гуманитарных наук. Можно утверждать, что сам характер психологии как науки, призванной изучать психику, предрасполагает ее к организации междисциплинарных исследований психического – в этом состоит **атрибутивная междисциплинарность** психологической науки как неотъемлемо ей принадлежащий, существенный ее признак. Поэтому совершенно не случаен факт систематического пополнения ее профессиональных рядов специалистами из других наук, как бы к этому ни относиться. Именно в психологии становится возможным выделение этими специалистами соответствующих психологических проблем для исследования, которые, как показывает история психологии, не могли бы столь успешно разрабатываться «чистыми» психологами. Атрибутивной междисциплинарностью исследований психики объясняется тот исторический факт, что в психологии продуктивно работали клиницисты и физиологи, философы и историки, математики и физики, педагоги и представители многих других наук. Эта же тенденция остается во многом характерной и для современной психологии, несмотря на «изобилие» выпускников психологических факультетов.

Интерес к междисциплинарным, как и к любым другим научным исследованиям, характеризуется выраженной динамикой, поэтому его снижение – такой же естественный процесс, как и возрастание. Еще более динамично сменяется приоритет различных наук по организации междисциплинарных исследований. Причин же подобных явлений можно выделить достаточно много, причем в разные исторические периоды развития науки они, как правило, различаются, и даже принципиально. Однако это специальный науковедческий вопрос, на котором мы не имеем возможности остановиться подробно.

РОЛЬ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПОНИМАНИИ ПРИРОДЫ ПСИХИКИ

Многочисленные попытки понять природу психического привели психологов к осознанию необходимости решения как минимум трех фундаментальных проблем: **психофизической, психофизиологической и психосоциальной**. Это же и основные направления научного анализа психики, составляющие, по Б.Ф. Ломову, систему ее измерений.

Решение психофизической проблемы направлено на выяснение специфики отношения психического, носителем которого является конкретный человек, к внешнему, отражаемому им предметному миру, окружающим его материальным объектам. Анализ психофизиологической проблемы позволяет понять отношение психического к физиологическому, прежде всего – деятельности нервной системы в целом, мозга, его коры, рассматриваемых классической психологией в качестве «материального субстрата психики». Решение же психосоциальной проблемы направлено на изучение отношения психического к общественной жизни конкретного человека и социальных групп во всем ее многообразии, хотя прежде всего изучается включенность человека в общественно-трудовую и иные виды деятельности, в многочисленные группы, его взаимодействие с другими людьми, составляющие в целом образ жизни человека. Здесь уместно отметить, что в последние годы в общей и социальной психологии для обозначения широкого спектра социальных форм активности человека стало все чаще использоваться понятие «жизнедеятельность».

Три перечисленные выше аспекта в исследовании природы психического хорошо известны психологам, однако их профессиональное осознание и специальный анализ в истории психологии имеют принципиально разную продолжительность. Если психофизическая и психофизиологическая проблемы являлись для психологии классическими, традиционными и характерными для рассмотрения природы психического еще в доэкспериментальные периоды ее развития, то психосоциальная проблема фактически была поставлена лишь в первой половине 30-х годов XX в. Л.С. Выготским и С. Л. Рубинштейном, хотя и сформулирована каждым из них в разных терминах. Поэтому в настоящее время сравнительно хорошо отрефлексированы, а в теоретическом плане довольно непротиворечиво выстроены и имеют богатую экспериментальную основу пока лишь две проблемы: психофизическая и психофизиологическая. Психосоциальная же проблема имеет сегодня не просто большую, но, можно сказать, чрезвычайно острую актуальность в исследовании современного человека. Механизмы реализации личности, процессы решения задач субъектом деятельности, многообразные психические процессы и состояния в целом функционируют в разного рода социальных средах и испытывают их реальные влияния. Продвигаться в понимании механизмов взаимодействия психического и социального – это и означает конкретно решать психосоциальную проблему. Скорее всего, именно с ее продуктивным решением может быть связано принципиальное изменение места психологической науки в современном противоречиво изменяющемся обществе и в первую очередь – рост ее востребованности. В решении же этой невероятно сложной проблемы психологам целесообразно научиться учитывать общую направленность развития социального в современном мире, новые формы социальной интеграции и дифференциации разных людей и их общностей, формирование новых социальных процессов, состояний и свойств, а также социально-психологических типов современного человека в целом и т. д.

Однако с уверенностью можно утверждать, что даже решение всех трех классических для психологии проблем не приведет к полному или хотя бы приемлемому для сегодняшнего времени пониманию природы психического. С этой целью наряду с ними крайне важно интенсивно разрабатывать и учитывать результаты исследования целого ряда других проблем, например: психоэволюционной, психоисторической, психогенетической, психоморфологической и т. д., содержание которых далеко не исчерпывается тремя более известными и выделенными выше проблемами. С некоторой вероятностью можно предположить, что в перспективе названные и некоторые другие (например, психохимическая) проблемы станут наиболее актуальными направлениями исследований природы психического. Справедливо будет отметить, что и сами перечисленные проблемы, в свою очередь, чрезвычайно неравномерно разработаны в современной психологии. И если по психоэволюционному, психоисторическому и тем более психогенетическому направлениям имеются достаточно крупные и фундаменталь-

ные работы, то психоморфологическая и психохимическая проблематика только начинает разрабатываться.

В контексте рассматриваемого нами вопроса необходимо подчеркнуть следующее: решение перечисленных проблем с целью понимания природы психического предполагает обязательное обращение к тем реалиям, которые исследуются другими науками, в частности, физикой, физиологией, общественными науками, биологией, генетикой, морфологией, химией, соматологией и т. д. Это означает, что для того, чтобы изучать природу психического, психологам необходимо выходить за пределы его непосредственного носителя. По аналогии здесь используется содержание одного из положений С. Л. Рубинштейна о том, что «психика выходит за пределы внутриорганических отношений» (Основы общей психологии. М., 1940, с. 15). Важно подчеркнуть, что, делая это, психологи неизбежно оказываются в междисциплинарной зоне исследований. Но оправдан ли такой подход в теоретическом плане, не подразумевает ли это некую обреченность психологической науки на междисциплинарные исследования?

Чтобы попытаться ответить на возникающие в связи с этим вопросы, обратимся вначале к исследованиям ключевых для психологии феноменов и, соответственно, использованию основных ее понятий. Остановимся на базовых понятиях, которые обычно просят называть научные журналы и фонды для обозначения «предметного поля» исследования. Это – человек, сознание, бессознательное, индивид, личность, субъект, индивидуальность, группа, активность, взаимодействие, жизнедеятельность, поведение, деятельность, общение, отражение, отношение, переживание. Конечно, данный список можно сократить или, наоборот, дополнить, однако в этом ряду нет ни одного понятия, которое разрабатывалось бы *только* психологической наукой. Более того, создается впечатление (его очень трудно строго проверить), что чем важнее некий феномен или понятие для психологии, тем большее число смежных наук их исследуют, разрабатывают и используют. Это справедливо для понятий человека, сознания, личности, субъекта, активности, деятельности, поведения и некоторых других.

В связи с этим естественным образом возникают несколько вариантов использования и развития содержания перечисленных и других понятий: *во-первых*, обращение психологов к данным других наук с целью сопоставления их со своими результатами; *во-вторых*, изначальная организация совместных междисциплинарных исследований по согласованным с другими специалистами программам (целям, задачам, методикам и т. д.); *в-третьих*, освоение методов других наук и включение их в собственные программы исследования (кстати, так нередко используют психологические методы представители наук, близких психологии: педагоги, социологи, политологи, конфликтологи и др.). Каждый из приведенных вариантов имеет свои сильные и слабые стороны. Например, когда методы других наук берутся без приглашения их представителей к совместным исследованиям, то, как правило, это или экспресс-варианты, или более простые для освоения методы, чем реально существующие в той или иной науке, или методы, выполняющие лишь вспомогательные функции в исследовании, и т. п. Однако же в любом случае междисциплинарность становится неизбежным фактором для психологов при организации исследований важнейших психологических феноменов.

Психологическая наука фактически востребована всюду или, по меньшей мере, так должно быть при исследовании проявлений психического в любой сфере жизнедеятельности отдельного человека или социальной группы, включая общество и даже человечество в целом. Но нет такой сферы жизнедеятельности людей, в исследовании которой психология была бы полным «монополистом». *Специфика психологии* состоит не в ее избирательности в исследовании некоей сферы, в которой она является единственной востребованной наукой, а в том, что психология необходима в исследовании *всех сфер*, относящихся к человеку и группам; тем самым ее предмет исследования неизбежно «пересекается» или частично «накладывается» на предмет изучения различных естественных, технических, гуманитарных и общественных

наук. Такая ситуация благоприятна для психологии и также располагает к организации междисциплинарных исследований психического.

Заманчивым, конечно, кажется поиск такого психологического феномена и, соответственно, обозначающего его понятия, разработкой которого занималась бы только психологическая наука, но пока подобный феномен не обнаружен и перспективы его выделения неопределенны – скорее всего, это некий нереалистичный прожект. В целом психологи должны быть заинтересованы в междисциплинарных исследованиях, результаты которых наиболее активно продвигают их к более глубокому пониманию психики, а психологическая наука, как и другие дисциплины, от этого только выигрывает. Фактически происходит интегрирование разного видения, разных подходов к рассмотрению одних и тех же достаточно сложных явлений.

НЕКОТОРЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ И ТРУДНОСТИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПСИХОЛОГИИ

Может создаться впечатление, что психология «обречена» только на междисциплинарные исследования. В этой связи необходимо остановиться как минимум на трех моментах.

Во- первых, неправомерно понимание, что таковые – единственная и неизбежная форма исследований в психологической науке. Это было бы крайностью, неизбежно приводящей психологию к полному ее «растворению» в других науках, а процесс продвижения в понимании психики – в тупик. В любой науке, и психологической также, безусловно, принципиально возможны и реально существуют самые различные типы исследований. Вместе с междисциплинарными имеют место и в большинстве своем собственно психологические исследования. В контексте же данного анализа речь шла о междисциплинарных исследованиях как одной из практикуемых форм изучения психических явлений.

Во- вторых, неизбежны и издержки, то есть негативные для психологии следствия междисциплинарных исследований. Здесь мы назовем некоторые из них, не раскрывая подробно их содержания, например: опасность разной степени редукции собственно психических явлений к тем, которые изучаются другими науками, что легко может привести к элиминированию психологии в изучении этих явлений; вмешательство в дела психологической науки со стороны представителей других наук как источника «более старшего», «более научного», «более правильно понимающего», «более опытного» и т. п. знания (исторические примеры такого вмешательства со стороны исторического материализма, научной организации труда, физиологии высшей нервной деятельности, медицинской, педагогической науки и т. п. психологам хорошо известны и их важно помнить); в условиях необходимого приспособления, неизбежной «притирки» методов разных наук утрачиваются некоторые тонкости психологического исследования, значимость которых остается понятной только психологам.

В- третьих, нельзя не сказать о больших сложностях и трудностях, типичных для междисциплинарных исследований, избежать которых практически невозможно из-за самой исходной их природы. Так, например: междисциплинарные исследования всегда дают плюралистичное (в смысле множественное) знание, однако степень этой плюралистичности может быть чрезвычайно высокой, что вызывает сложности в интеграции полученного знания; междисциплинарные исследования нередко характеризуются низкой совместимостью используемых языков разных наук, а повышение уровня взаимного понимания представителей этих наук требует либо явного упрощения языков, либо занимает много времени; программы междисциплинарных исследований включают разные методы, но нередко различного уровня их разработанности, что объективно зависит от состояния конкретной науки, при этом одни методы по различным причинам становятся главными в программе, а другие – вспомогательными и т. п.; – все это приводит к получению результатов разной степени точности и надежности, и многое другое.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Имея в виду все отмеченные и позитивные, и негативные моменты, нельзя забывать о специфике междисциплинарности в психологии как атрибутивного качества данной науки. Наряду с эффективным продвижением в понимании своего предмета, следствием атрибутивной междисциплинарности психологии является также возможность интегрировать через общий интерес к психике и, соответственно, через ее многоуровневые исследования, представителей самых разных наук. Таким образом в какой-то степени завоевывается и авторитет среди них, очень необходимый психологии в период наметившегося процесса реформирования академической науки, а следовательно, и всей отечественной науки в целом. История психологии богата яркими примерами подобной интеграции, и современные психологи имеют возможность продолжить эту традицию, высокозначимую для всех областей научного знания.

Результатом специальных организационно-управленческих воздействий в форме реализации принципа междисциплинарности в организации исследований многообразных психологических явлений может стать порождение новых научных проблем в современной психологии.

ПСИХОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Т.Д. Марцинковская

Словосочетание «психология XXI в.» стало настолько привычным и даже навязчивым, что в его смысл перестали вдумываться, не замечая, как за привычностью термина уходит не только его содержание, но и осознание происходящих в последние годы изменений отношения к науке, ее места в современном мире. Поиски смысла научной деятельности, роли и границ воздействия научных открытий на общественное сознание связаны как с методологией, так и с анализом тех проблем, с которыми мы столкнулись в последние годы. Особенно важным такой анализ представляется вследствие того состояния неопределенности, которое переживает российская психология. Среди проблем, с которыми сталкивается наша наука, есть и общемировые (например, размывание границ между теорией и практикой), и специфические для отечественной психологии тенденции, связанные со все более отчетливо прослеживающимся доминированием утилитарности. Такая ориентация характеризует не только и не столько состояние науки, сколько состояние общества, опять возвращающегося к нивелированию ценности творчества и самостоятельной творческой мысли, не имеющей практического выхода.

Таким образом, сложности в осознании психологами смысла и методологических принципов своей деятельности в настоящее время во многом обусловлены как логикой развития науки, так и состоянием общества, которое само не определило, какие задачи оно ставит в настоящее время перед психологией, чего ждет от нее. Поэтому представляется интересным сопоставить разные позиции и научные представления с социальными представлениями современного общества и его ожиданиями от науки.

Прежде всего, встает вопрос о том, насколько созвучны тенденции к междисциплинарности и постмодернизму, ясно прослеживаемые в науке в настоящее время, тем трансформациям, которые происходят сегодня в мире. Даже поверхностный анализ дает возможность увидеть некоторые кардинальные изменения, наиболее характерные для сегодняшнего дня. Новой эпохе, в частности, свойственны такие черты, как глобализация, серьезные межэтнические и межконфессиональные конфликты, представления о пассионарности и активности людей в конструировании окружающего мира, ярко выраженное состояние неопределенности в понимании целей и направления развития общества. Изменчивость мира и его образа в сознании людей разной ментальности, образования и социальной принадлежности меняет и само представление о межличностных и межгрупповых отношениях и аттрактивности партнеров, проблематизируя или, напротив, упрощая контакты с людьми другой культуры. Попробуем представить, как это может сказаться на развитии науки.

Проявления глобализации сказываются не только на экономике и политике, они затрагивают все стороны взаимодействия разных культур – от обмена технологиями и совместных научных разработок до смешанных браков. Существенное влияние оказывают эти процессы и на восприятие людьми окружающего пространства, которое начинает ощущаться как свернутое, а сама Земля – как небольшая планета, расстояния между разными точками на которой совсем не так велики, как казалось прежде. Естественно, это не может не проявиться в представлениях об окружающем мире. Если в прежние века время и пространство казались людям бесконечными, ведь жизнь вечна, а земля – огромна и обойти ее невозможно, то сегодня люди понимают как быстротечность и ограниченность жизни, так и легкость перемещения в пространстве. Это придает другую ценность жизни, а также создает необходимость принятия факта существования других людей и других культур. Увеличение миграции также приводит к необходимости межличностного взаимодействия людей, принадлежащих к разным культурам, поэтому огромное значение приобретает анализ причин дезадаптации людей к новым усло-

виям жизни, неприятие или пассивное отторжение той культуры, тех традиций, которые являются значимыми для нового социального окружения.

В то же время, взаимодействие людей, имеющих разную ментальность, разные языки, разные ценности приводят к необходимости осознания и на бытовом, и на научном уровне относительности наших представлений об истине, о том, «что такое хорошо, а что такое плохо». Важной становится оценка одной и той же позиции с разных точек зрения, в разных подходах и разных науках. Таким образом, междисциплинарность, полипарадигмальность и постмодернизм, о которых заговорили методологи, не являются совершенно абстрактными понятиями, эти тенденции продиктованы не только научными изысканиями, но и самой жизнью.

Особую актуальность такой поиск разных подходов и преодоление границ между ними приобретают для психологии личности. В исследовании проблемы личности в психологии сходятся, сталкиваясь и соединяясь между собой в своеобразный «коллаж», несколько философских и психологических концепций, ведущими из которых, на мой взгляд, являются экзистенциальная философия и гуманистическая психология, психология деятельности А.Н. Леонтьева и культурно-историческая парадигма в разных ее вариантах (А.А. Потебня, Г.Г. Шпет, Л.С. Выготский). При этом основными точками соприкосновения здесь становятся понятия бытия, значения и смысла.

Если Леонтьев писал о важности общественной (социальной) практики, рефлексия которой создает значения и смыслы, формирующие сознание личности, то Э. Гуссерль и Г. Шпет рассматривали феномены сознания, связанные с разными видами бытия. Так, Шпет говорил о том, что существует несколько видов бытия – бытие природное, которого, как он считал, не существует в чистом виде, бытие культурное и бытие отрешенное (среднее между логически отвлеченным и эмпирически данным). На самом деле, утверждал Шпет, окружающая нас действительность является в первую очередь не природной, а социальной, исторической, культурной. Поэтому все виды бытия соединяются в бытии социальном, которое отражает и мысли человека, и реальные предметы, и предметы творческого воображения. Доказывая это, он приводил в пример любую вещь, которая несет на себе отпечаток различных видов бытия – их естественность есть весьма условная часть действительного целого и абстракция от конкретного. Мне представляется, что именно этот подход не только открывает широкие перспективы исследования социализации человека, присвоения им в процессе деятельности продуктов (реальных и идеальных) общественной практики, но и помогает преодолеть натуралистическую позицию в психологии личности и найти для нее место между субъектом и духовным миром, соотнести внутреннее содержание, присущее только личности, с миром культуры. Шпет считал, что человечество в процессе своего развития создает новый мир, социально-культурный, существующий помимо мира природного. И именно этот мир и является целью социального познания, и процесс, и результат которого превращает человека в социально-культурного субъекта, а его поведение из естественного трансформируется в поведение, имеющее определенный социальный смысл. Таким образом, социальное бытие человека превращает его в социальную личность, поведение которой служит определенным знаком для других людей и одновременно для него самого.

Постижение объективного (значения) и субъективного (смысла) содержания знаков, происходящее в процессе социального познания, ставит вопрос о той картине, образе мира, который возникает в сознании человека. Многочисленные исследования, проводимые в разных научных школах, показали многомерность этой картины, в которой, как в гениальной инсталляции, уживаются и дополняют друг друга различные представления, порожденные разными видами бытия. Целостность этой системы представлений, являющаяся важнейшим условием ее существования, доказывается не только работами А.Н. Леонтьева, но и материалами Э. Эриксона, С. Московичи и др. Однако вопрос о том, что же лежит в основе этой целостно-

сти, остается открытым. В этом плане представляется, что значение концепции Э. Гуссерля для психологии все еще не получило достаточной оценки, в частности, его идеи о существовании априорных постулатов, относящихся к жизненному миру и существующих до всяких, в том числе и научных, эмпирических ценностей. Не умаляя научного знания, эти постулаты структурируют его, позволяя создать из опытных данных о психических феноменах целостную систему. Феноменологическая редукция здесь имеет значение не только для структурирования информации, получаемой из внешнего мира, что было показано еще в работах гештальтпсихологов (частично – в работах Дж. Гибсона), но и для структурирования смыслов, в том числе для понимания себя и смысла своего существования мире.

Именно идея смысла есть некоторое связующее звено, позволяющее перебросить мостик от Э. Гуссерля к другим авторам, в том числе и к концепции значения и смысла А.Н. Леонтьева. Говоря о жизненном мире и развитии представлений о нем, Э. Гуссерль подчеркивал, что предмет есть, а смысл – значит. Эта позиция дает возможность соотнести несколько пластов бытия, в том числе: значение и смысл предмета (что отсылает нас к работам А.Н. Леонтьева), значение и представление, внутренняя форма предмета (что отсылает к Г.Г. Шпету).

Благодаря феноменологической редукции для нас открывается идеальное бытие, но есть еще и реальное бытие вещи, которое часто существенно отличается и от естественного, и от идеального бытия. Ведь любая вещь несет на себе отпечаток различных видов бытия (абсолютного, трансцендентного, социального, природного и т.д.), и их естественность есть весьма условная часть действительности. Значение – это и есть тот исток, тот априорный момент, который дает нам в виде общего понятия истину об объекте. Погружение в суть предмета, при всем эмпирическом понимании его субъективности, предполагает и объективное познание. А эмпирический опыт, напластованный на это значение, придает ему личностный смысл, причем именно в том плане, какой вносится в это понятие А.Н. Леонтьевым, тем самым связывая несколько пластов нашего бытия в единое целое. В то же время опыт человека носит не только личностный, но и надличностный характер, а потому появляется еще и идеальное представление, внутренняя форма предмета, которая связывает его эмоционально уже не с личным, но культурным опытом.

Однако если личностный опыт еще может быть получен человеком в собственной индивидуальной деятельности (хотя и трудно представить таковую – совсем без содействия, интеракции с другими), то появление надличностных феноменов сознания невозможно без общения с другими. Ведь именно в процессе коммуникации люди передают друг другу как значения, так и свои смыслы, часто бессознательно путая одно с другим.

Хотелось бы обратить внимание еще на один пласт проблем, актуализирующих тенденции, развиваемые постнеклассической психологией. Глубокие изменения социальной ситуации, ценностных ориентаций и нормативов, преобладающих в идеологии современного (и не только российского) общества, нарушили его стабильность и снизили уровень укорененности и социализированности людей. Современное общество ставит перед человеком большое количество сложных, неоднозначных жизненных ситуаций, требующих осознанного и адекватного выбора. В то же время у многих людей нет понимания разности своих социальных представлений, нет умения отделять эмоциональные отношения от рационального взаимодействия. Поэтому подходы, раскрывающие разное содержательное наполнение дискурсов при различных межличностных дистанциях и ролевых позициях партнеров, являются крайне актуальными. Тревожным является и выявленное во многих исследованиях стремление людей к включению этических установок при проблематизации ситуаций, возникающих в межэтническом взаимодействии. Возможно, что данная стратегия поведения играет роль своего рода копинга, защиты, помогая человеку рационализировать проблему и доказать самому себе, что стереотипы и нормы поведения, принятые в его культуре, лучше, чем в культуре партнера. При этом

возникает вопрос: не мешает ли такое включение моральной оценки социализации человека в иной культурной среде?

Изменчивость, текучесть, казалось бы, незабываемых представлений, истоки которых коренятся в бессознательном, в архетипах, обусловила необходимость поиска человеком в себе тех внутренних, духовных способностей, которые помогут ему противостоять давлению среды, кардинальным социальным, экономическим, идеологическим изменениям, способным нарушить (и даже разрушить) его целостность, идентичность, его понимание окружающего мира и самого себя. Символично, что на рубеже XX–XXI вв. вновь, как и столетие назад, приобретает актуальность проблема смысла и сути культуры, отличий природного и культурно-исторического бытия, границ и способов влияния культуры на личность. Это связано с тем, что формирование идентичности начинает происходить уже преимущественно не на основе социальной, но на основе национальной составляющей. При этом крайне важно, чтобы образующей этой идентичности стала национальная культура, а не родовая принадлежность.

Процесс вхождения в определенную социальную действительность предполагает понимание особенностей этой действительности, принятие ее норм и ценностей в качестве собственных идеалов и установок. Однако, в отличие от социальной адаптации, социализация предполагает не только пассивное принятие определенных норм и правил поведения, но и их активное использование, т. е. выработку человеком определенных знаний и умений и их адекватное применение в данной социальной действительности. Именно этот аспект социализации, связанный с выработкой активной позиции, со стремлением само-актуализироваться именно в этой действительности, несмотря ни на какие препятствия, вызывает наибольшие сложности.

Индивидуальные поиски новых эталонов, наиболее оптимальных способов социализации в новой действительности часто приводят к появлению неадекватных для современной ситуации идеалов и норм, заимствованных при обращении или к прошлому нашей страны (как к советскому, так и дореволюционному), или к опыту других стран. Поиски эталонов, идентификация с которыми даст возможность осознать и свою собственную ценность, и ценность и уникальность собственной страны, необходимы и для успешного формирования идентичности, и для успешной самореализации. Они обуславливают тот значительный всплеск интереса к истории, который отразился в большом количестве выпускаемых в последнее время исторических хроник, мемуаров, беллетристических произведений, кино- и телефильмов, созданных на основе исторических фактов. Так люди пытаются «восстановить связь времен», воссоздавая как индивидуальную, так и социальную идентичность, утерянную в последние годы.

Культура и, особенно, искусство, остаются неизменными даже тогда, когда меняется быт, мировоззрение, политические и структурные аспекты социальной адаптации человека. Поэтому инкультурация обеспечивает укорененность и устойчивость, необходимые в сегодняшней жизни, которая многими воспринимается как разломанная, неопределенная. Национальная культура, в случае успешной инкультурации, эмоционально воспринимается как единое целое. Однако для этого человеку необходимо осознать связь культуры в разные периоды российской истории – допетровской, дореволюционной, советской и современной, а также выделить определенных исторических персонажей (ученых, художников, политических деятелей), через эмоциональную идентификацию с которыми могут быть сформированы разные структуры самосознания (национальное, правовое, личное). Так формируется одна из важнейших составляющих структуры самосознания личности – «Я – культурный человек».

Идея культуры как фундамента социализации важна и потому, что нарушение идентичности, связанное, прежде всего, с переоценкой ценностей, в том числе и ценности своей жизни, увеличивает напряженность, фрустрированность людей. Такое психологическое состояние мешает восприятию нового, в том числе новых идей и новых форм активной деятельности, которые ощущаются как «эмоциональная перегрузка», а потому либо не воспринимаются, либо агрессивно отторгаются. Подчеркивание связи с позитивным прошлым опытом, с куль-

турой дает возможность снять этот барьер или снизить его значение. При этом формирование идентичности на основе культурной, а не национальной составляющей даст возможность расширить границы восприятия, преодолев узкие этнические стереотипы. Междисциплинарная культура, в которой связываются воедино многие пласты действительности, разорванные в отдельных областях знания, идеально подходит для многомерного и сложно организованного мира, которым является современное общество. В междисциплинарном и, шире, в межкультурном взаимодействии может быть сформировано новое понимание человека в системе многомерных взаимоотношений, которые он создает в процессе жизни. Междисциплинарный характер культуры проявляется и в том, что ее роль в процессе становления новой идентичности может анализироваться в контексте теории самоорганизации И.Р. Пригожина, так как культура может рассматриваться как фактор, структурирующий и выстраивающий процесс социализации и становления социокультурной идентичности в кризисные периоды.

Изменчивость, текучесть, казалось бы, незыблемых представлений, истоки которых коренятся в бессознательном, в архетипах, обусловила необходимость поиска человеком в себе тех внутренних, духовных способностей, которые помогут ему противостоять давлению среды, кардинальным социальным, экономическим, идеологическим изменениям, способным нарушить (и даже разрушить) его целостность, идентичность, его понимание окружающего мира и самого себя. Символично, что на рубеже XX–XXI вв. вновь, как и столетие назад, приобретает актуальность проблема смысла и сути культуры, отличий природного и культурно-исторического бытия, границ и способов влияния культуры на личность. Это связано с тем, что формирование идентичности начинает происходить уже преимущественно не на основе социальной, но на основе национальной составляющей. При этом крайне важно, чтобы образующей этой идентичности стала национальная культура, а не родовая принадлежность.

Идея о роли пассионарной активности и в переконструировании социального мира, и в создании его образа, показывает, что в концепции образа мира, как в свое время в концепции образа движения, необходимо перейти от менее сложной и однозначной картины к более сложной и многозначной. В свое время Н.А. Бернштейн, выделяя уровни построения движений, подчеркивал сложность этого процесса, отличающегося от простых реакций на внешний раздражитель, так как человек не просто реагирует, отражает стимулы внешнего мира, но создает, конструирует свое поведение. По-видимому, в современной психологии также пора перейти от концепции отражения к концепции построения, конструирования образа мира и себя. Конструируемый образ мира не только субъективен, он представляет собой сложную разнородную систему, полностью проанализировать содержание которой можно только исходя из разных дискурсов. Таким образом, помимо иерархического строения создаваемых человеком представлений о себе и мире, можно констатировать и их отнесенность к разным областям – т. е. это уже скорее не образ, но коллаж. При этом, возможно, уместно использовать принцип взаимосвязи развития и дифференциации образов, о котором писали еще гештальт-психологи, утверждая, что в процессе своего развития человек переходит от смутного образа мира ко все более четкому и дифференцированному представлению о нем.

Еще одной реальностью настоящего времени стал Интернет, который является крайне интересной моделью для исследования в связи с тем, что в реальности социальная ситуация в значительной мере определяет не только оценку человеком своего положения в ней, но и детерминирует оценку им себя. В реальном мире люди часто не могут изменить ни себя, ни ситуацию, как бы она их ни устраивала, но в Интернете можно скрыться за маской, за несколькими масками, принимая разные имена и придумывая себе различные ситуации и разные биографии. Это дает возможность опробовать себя в разных ролях, которые в дальнейшем, при успехе в данном виде коммуникации, может перейти и в действительность. Так неопределенность общения в сети, накладываясь на неопределенность в личностной сфере, может стать

источником положительной динамики и осознания если не себя, то хотя бы своего поведения и его причин.

В том случае, если мы уверены в возможности перестроить, переконструировать ситуацию и на этой основе выстроить будущее, снимается неопределенность этого будущего и те тревоги и опасения, которые оно несет с собой. Таким образом, конструкционистская парадигма, в рамках которой можно говорить о трансформации окружающего мира в направлении желаемых изменений, увеличивает степень предсказуемости будущего и снимает эмоциональную напряженность, смыкаясь с проблемой неопределенности, имеющей и методическую, и методологическую, и социальную обусловленность.

Сложности в описании неопределенности при предсказании проведения объектов в определенных ситуациях существуют не только в психологии, но и в естественных науках, например, в физике, где концепция неопределенности разрабатывалась еще с середины XX в. В рамках этой концепции доказывалось, что фактически невозможно не только предвидеть будущее направление движения частиц, но и точно понять, какой путь они проделали в прошлом. Единственное, что объективно возможно – это увидеть положение частицы в конкретный момент времени.

Применяя понятие неопределенности к психологии, можно говорить о том, что в современном мире причинно-следственные отношения не всегда могут стать основой понимания событий, происходящих даже в настоящее время, и тем более они не могут помочь предсказать, как будет вести себя человек в будущем, какотреагирует даже на знакомые раздражители. Все это делает даже стабильную ситуацию не совсем ясной, еще более неопределенной является новая или постоянно меняющаяся ситуация, в которой сам человек, его мысли, состояние, поведение тоже становятся в большей, чем обычно, степени, неопределенными. Человек одновременно является как бы и стабильным образованием с ясной устойчивой структурой мотивов, и постоянно меняющейся величиной в системе разнообразных отношений (и частица, и волна одновременно).

Поэтому объективация мотивов поведения человека в ситуации неопределенности не может уже соотноситься с поступком как феноменом личности. Однако невозможно совершенно отказаться от принципа детерминации, так как, хотя мы и не можем, как уже говорилось выше, полностью изучить причины поступков людей, мы в то же время не можем и исключить наличие причинно-следственных отношений в каждом конкретном случае, так же как и возможности их будущего анализа. При этом игнорирование детерминизма фактически стирает границу между научной и житейской психологией, психологией и мистикой: полностью отрицая этот принцип, мы выйдем за рамки научности.

Поэтому в настоящее время приходится искать опосредованные способы анализа. По другим людям мы можем судить о том, что происходит с человеком, идентифицируясь с ним, можем судить о его мотивации. Но это – не полностью достоверное знание, оно опосредовано как культурой (человек ведет себя соответственно определенным эталонам), так и опытом и переживаниями наблюдателя, его атрибутивными схемами. Поэтому такое значение для постнеклассической психологии приобретают нарративы, результаты самонаблюдения. Как источник света позволяет не только разглядеть движущееся в темноте тело в конкретный момент времени, но и предположить, откуда оно появилось и куда направляется, моменты инсайта, рефлексии помогают человеку частично понять себя, осознать причины своих поступков, свои мысли и переживания, чтобы потом экстраполировать эти наблюдения на других людей. Но это только дискретные моменты: понимание того, что предшествовало им (причина) и того, что за ними последует, достаточно фрагментарно и субъективно, т. е. осознание себя и объективация идентичности в принципе возможны только здесь и сейчас. В то же время сохраняется иллюзия, что мы представляем себе свое предыдущее состояние, хотя мы оцениваем себя не намного лучше, чем окружающих.

Таким образом, для психологии объективация и операционализация понятия неопределенности актуальна в связи с методологическими проблемами и предметом исследований – личностью, внутренний мир которой в принципе не определен для окружающих, а во многом и для самого человека. Ситуация внешней неопределенности лишь усиливает это положение, делая его очевидным.

Поэтому в конструировании человеком своего поведения в ситуации неопределенности присутствует не только элемент активности, но и элемент неизбежности, так как человек не может не создавать ту реальность, которая вызывает у него меньший страх и негативные переживания, как-то справляясь с тем фактом, что полностью осознать и предсказать ситуацию он не в состоянии, если хочет продуктивно жить и работать. При этом им используются различные виды объективации и объяснения, оценки и интерпретации своего поведения. Поэтому, как мне представляется, философия постмодерна и полипарадигмальность методологии особенно созвучны современной ситуации, непредсказуемость и вариативность которой волеизволей приводят к необходимости создания «коллажа», отражающего разные аспекты ситуации и нашего присутствия в ней.

Полипарадигмальный характер современной психологии дает возможность не только выхода за пределы поля одной концепции и объяснительных принципов одной науки, но и наполнения понятия избыточными смыслами, открывая возможности их сравнительного толкования, что органично связывает ее методологию с постмодернизмом.

Согласно постмодернистскому взгляду, мир многомерен и многогранен, а образ мира – это своего рода мозаика, которая складывается из отдельных образов, представлений, теорий. Как и мозаика в калейдоскопе, образ мира, каким он нам предстает, зависит, прежде всего, от нашего сознания, от нашей интенции, которая и определяет «поворот» калейдоскопа и изменение картины мира. С этой точки зрения эволюция научного знания рассматривается как последовательная смена теорий, каждая из которых более точна и применима, чем предыдущие, но ни одна не описывает явления полностью и окончательно, ни одна не несет абсолютную истину. Именно поэтому наука в поисках ответов на кардинальные вопросы должна выйти за пределы условных границ между дисциплинами, используя те «языки», которые оказываются подходящими для описания различных аспектов многоуровневой, взаимосвязанной реальности. Одновременно эти критерии задают рамки и основания будущих исследований, которые, безусловно, будут проводиться, и не только в постнеклассической психологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.
- Бернштейн Н.А.* Очерк по физиологии движений и физиологии активности. М.: Наука, 1966.
- Гибсон Д.* Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988.
- Кравков С.В.* Самонаблюдение. М.: Госиздат, 1922.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
- Социальная психология в современном мире / Под. ред. Г.М. Андреевой и А. И. Донцова. М.: Аспект Пресс, 2002.
- Харре Р.* Метафизика и методология: некоторые рекомендации для социально-психологического исследования // Социальная психология: саморефлексия маргинальности. М.: ИНИОН РАН, 1995.
- Шпет Г.Г.* Психология социального бытия. М.: Академия педагогических и социальных наук, 1996.
- Ярошевский М.Г.* Историческая психология науки. СПб.: Наука, 1994.

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИИ

М.С. Гусельцева

Последняя четверть XX в. в искусстве, философии и гуманитарных науках была заявлена как *эпоха постмодерна*. И ряд зарубежных авторов взялись исследовать возможности развития психологической дисциплины в «постмодернистском культурном ландшафте». Итогом такого исследования стал симпозиум, состоявшийся в Дании в июне 1989 г., посвященный проблемам взаимоотношения психологии и постмодернизма (Psychology and Postmodernism, 1994).

Участники симпозиума искали ответы на вопросы о том, как современная психология будет развиваться, осваивая постмодернистский дискурс, и сможет ли постмодернистская мысль радикально трансформировать понятия современной научной психологии. По итогам конференции был опубликован сборник, отражающий разнообразие авторских позиций, который стал своеобразной моделью, выражающей методологическую ситуацию в психологии в целом. Несвязанные между собой школы психологии, по мере сил осваивающие постмодернистский дискурс, как и авторы, не могущие договориться о самом термине «постмодернизм» – такой участникам симпозиума предстала калейдоскопическая картина современной реальности (там же). Однако бесспорным результатом осмысления психологии в контексте постмодернизма стало признание, что эпоха *постмодернизма* явилась одним из методологических «вызовов», обращенных к психологии.

Цель данной статьи – рассмотреть разные грани феномена постмодернизма, представить основные постмодернистские концепции и очертить перспективы развития психологии в постмодернистском контексте.

ПОСТМОДЕРНИЗМ: ТЕРМИНЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Проблематична сама по себе трактовка постмодернизма. В нашем понимании постмодернизм – это метафора, указатель пути; это «неадаптивная активность» (В.А. Петровский) мысли, возникающая на переломах культуры. Эволюционный смысл постмодернизма в культуре – переосмысление прожитого, демонтаж завалов цивилизации (феномен, который Ж. Деррида обозначил термином «деконструкция»).

Пониманию постмодернистских текстов и их критики нередко препятствует терминология. Так, А.Е. Чучин-Русов отмечает, что не только разные, но даже одни и те же авторы употребляют термины «модерн», «модернизм», «постмодернизм» и «постмодерн» как синонимы (Чучин-Русов, 1999).

Понятие *постмодернизм*, как и большинство культурологических понятий, отличается принципиальной недоконцептуализированностью и избыточностью смыслов. Под *постмодернизмом*, взятом в предельно широком контексте, принято понимать «глобальное состояние цивилизации последних десятилетий», совокупность «культурных настроений и философских тенденций», связанных с переживанием завершенности определенного культурологического этапа развития, изжитости «современности», «вступления в полосу эволюционного кризиса» (Скоропанова, 2001, с. 8). В узком смысле *постмодернизм* трактуется как образ и стиль жизни, особый духовный настрой, присущий обществам, завершившим стадию модернизации (postmodern society) (Керимов, 1998).

Под *модерном* обычно понимают художественный стиль, зародившийся в европейском искусстве на рубеже XIX–XX вв. и впоследствии распространившийся на другие культуры.

Модернизм называют ряд авангардистских направлений искусства XX в., объединенных субъективизмом художника в восприятии реальности и подчеркнутой оригинальностью интерпретации¹.

Термин «постмодернизм» получает распространение в 70-е годы XX в., обозначая «структурно сходные явления в общественной жизни и культуре современных индустриально развитых стран» (там же)². Характерной чертой постмодернизма становится стремление совместить в одном произведении разнообразные стили, мотивы и художественные приемы, взятые из разных эпох и культур. Если модернизм стремится попросту к новизне и критикует традицию, то постмодернизм старается поглотить, вместить в себя, растворить в едином произведении разнообразные национальные традиции и художественные языки³.

Л.Г. Ионин трактует *постмодерн* как «новую культурную эпоху», характерными чертами которой служат своеобразный «культ культуры», критика науки и техники, тенденция к глобализации, «недисциплинированность» и ряд других особенностей художественной жизни (Ионин, 2000).

А.К. Якимович ставит проблему *нового мироощущения* людей, порождающих искусство XX в.: «Ведь должен был случиться большой тектонический сдвиг в индивидуальной и социальной психике людей, чтобы это новое искусство приобрело всеобщность и даже стало символом XX века» (Якимович, 1994, с. 242). Особенно показательны в этом смысле течения авангарда и постмодерна. «До появления авангардизма культура придерживалась упорядоченных моделей мира» (Якимович, 1994, с. 243). Культура авангардизма «освоила парадоксальное искусство строить дом, в котором крыша – ураган, а пол – землетрясение» (там же, с. 244). Постмодернистские течения искусства разрушали привычный мир, приводили его в состояние подвижности, незавершенности и неопределенности. Наступала эпоха мезальянса, и постмодерн – как стиль неопределенности, размытости, избыточности смыслов – был наиболее репрезентативен для неклассического и постнеклассического мироощущения.

Модернизм, постмодернизм и постпостмодернизм Н.Б. Маньковская относит к «трем китам» неклассической⁴ эстетики XX в. (Маньковская, 2000). В своем культурном выражении постмодернизм представлял собой *коллаж* и *пастиш*, поп-искусство, лас-вегасовский стиль в архитектуре, неразличение реального и воображаемого. В социокультурном выражении постмодернизм был связан с децентрализацией власти, гетерогенностью жизненных контекстов, переходом к информационному состоянию мира (Kvale, 1994). Согласно В.В. Иванову, смысл авангарда заключался в превращении культуры из «застывшей» в действительно «горячую», в разрушении традиционных классических форм посредством эстетической игры с ними. Важно

---

¹ Представители модернизма не только оппонировали модерну: их тяготил и стиль вообще, «они стремились отбросить правила и законы, которые он диктовал, и усматривали в наличии стиля препятствие на пути к самовыражению» (Чучин-Русов, 1999, с. 27).

² «Слово “постмодернизм” следует использовать не столько в литературоведческом или искусствоведческом плане, связывая его с явлениями литературы или архитектуры, сколько во всемирно-историческом плане», – полагает Х. Кюннг (Кюннг, 1990, с. 225). Согласно Л.В. Карасеву, «постмодернизм вмещает в себя все культурные эпохи, свободно берет материал откуда угодно и применяет его где угодно. Он предлагает игру в целое культуры» (Карасев, 1993, с. 14).

³ «Изобразительные, литературные, музыкальные произведения, театр и кинематограф, относимые к этому ряду явлений, построены часто по принципу коллажа культурных символов, изобилуют цитатами, которые, свободно комбинируясь, создают новые смыслы, а также отсылками к разным авторам, историческим эпохам, культурам и субкультурам» (Чучин-Русов, 1999, с. 28).

⁴ Подобно тому, как смешиваются термины «модернистский» и «постмодернистский», зачастую не различаются термины «неклассический» и «постнеклассический». В широком смысле термин «неклассический» означает *все, что пришло на смену «классике»*, но в рамках более детального анализа уместно различать «неклассический» и «постнеклассический» стили. На смену «классике» в начале XX в. взрывным образом пришел *неклассический стиль*, плавно перетекая к концу столетия в постнеклассический. Однако последние не всегда легко разделить, и в культурологии эти различия не так очевидны, как в истории науки. Поэтому в том контексте, где речь идет об искусстве и литературе, термины «неклассический» и «постнеклассический» разведены не так строго, как там, где речь идет о науке. «В одном художнике могут уживаться/чередоваться модернист и постмодернист», – пишет И.С. Скоропанова (Скоропанова, 2001, с. 59).

отметить происшедшую в XX в. *перемену механизмов культурогенеза*: традицию не опровергают, с ней не воюют, но освобождаются от нее, критикуя и переосмысливая. Не «бороться с», а «участвовать в» – кредо авангарда. Логика новой парадигмы подобна логике сфинкса. Авангард и постмодернизм сражались с формальной логикой, со здравым смыслом, причинностью – в частности, средствами «коллаж-абсурда» (Иванов, 1989).

В философском осмыслении действительности в постмодернистском дискурсе происходило снятие дихотомии внутренней и внешней реальности, критика традиции в форме ее семиотического переосмысления (это «текстовый анализ» Р. Барта, «деконструкция» Ж. Деррида, «семанализ» Ю. Кристевой). Важное место в философском постмодернистском дискурсе занимал также *анализ власти знания* (Р. Барт, М. Фуко).

С другой стороны, если принцип рационализма и эмпиризма – основных методологических установок европейской культуры – заключался в непосредственном познании (так, эмпиризм стремился опереться на достоверные факты, а рационализм – на «врожденное знание» или рациональные интуиции), то современная методология, как отмечает Н.С. Автономова, все большее внимание начинает уделять именно *посредникам* (Автономова, 2000). Такими посредниками становятся интеллектуальный стиль, способ рассуждения, письмо, особенности коммуникации. Последние являются предметом исследования немецкого философа Ю. Хабермаса. Иными словами, на передний план выходят сами условия процесса познания, и *эта проблематика по принципу взаимодополнительности знания сближает философию с психологической наукой*.

ДУХОВНЫЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОВОРОТЫ XX В

Новое мироощущение стояло за духовными течениями XX в., такими как футуризм, акмеизм, символизм, дадаизм. За присущей им феноменологией прорисовывался совершенно иной образ мира. Согласно новому взгляду, мир многомерен, многогранен, гетерогенен и мозаичен, и то, каким он нам предстает, зависит прежде всего от фокусировок нашего сознания. События в этом мире не ограничиваются причинно-следственными детерминистическими связями, но могут быть рассмотрены через связи смысловые, синхронистичные (см.: Азроянц, Харитонов, Шелепин, 1999; Юнг, 1997), энергетические, структурные (см.: Лаврухин, 2001; Харре, 1995). В этой логике мир представляет собой не что иное, как способ описания. Мир рукотворен, мир выстраивается видящим сознанием, но, с другой стороны, мир неопределен и непредсказуем. Мы живем в реальности, где Порядок вечно сражается с Хаосом. Не случайны в XX в. ни популярность теории самоорганизации И.Р. Пригожина и соавторов, ни рождение литературного жанра фэнтези, представленного такими авторами, как У. ле Гуин, Р. Желязны, М. Муркок и др. (см.: Young, 1995), ни появление психологических концепций конструкционизма (см.: Бергер, Лукман, 1995; Джерджен, 1995)⁵.

Теория самоорганизации И.Р. Пригожина не столько поставила под сомнение существование универсальных законов и механизмов, сколько показала, что они адекватны лишь тогда, когда речь идет о стабильном развитии системы. Но такие моменты редки в реальности, поскольку даже повседневный мир состоит из асимметричных, неопределенных, неустойчивых процессов, уникальных и неповторимых ситуаций. Системы, с которыми имеют дело ученые за пределами своих лабораторий, являются чаще всего *открытыми*, характеризующимися состояниями бифуркации и появлением диссипативных структур. Поведение же откры-

---

⁵ Более того: «Критика Пригожиным не только классической научной картины мира как царства тотального детерминизма и каузальности, связанного с единственной моделью действительности и ее становления во времени, но и квантово-релятивистского неклассического естествознания первой половины XX в., способствовала выработке представлений о постнеклассическом научном и художественном творчестве как вероятностных системах с низким коэффициентом вероятности, соответствующих современному образу мира как совокупности нелинейных процессов» (Маньковская, 2000, с. 200).

тых систем в критических ситуациях невозможно предсказать, поскольку они готовы развиваться в любом направлении (в психическом мире эта открытость возможностям становится обоснованием феномена свободы воли). В критических ситуациях будущее системы зависит от ее индивидуальности, от неповторимых и случайных событий, а не определяется универсальными законами.

И теория самоорганизации, и постмодернизм, и история повседневности⁶, – все эти направления XX в. подготовили для психологии *методологический переворот*: смещение интереса от универсальных законов к уникальным событиям, от общих схем исследования – к частному анализу, от «объективизма» – к «культурной аналитике».

Если взглянуть на методологию как на систему «линз», которые мы произвольно меняем от эпохи к эпохе (механизм, посредством которого это происходит, описан Т. Куном), то мы обнаружим, что современная европейская мыслительная культура созрела для обретения произвольного контроля над этим процессом, и для ученого становится привычным (благодаря влиянию герменевтики и теорий языка) менять эти «линзы» при работе с разными текстами, добиваясь более продуктивного понимания⁷.

Искусство импрессионистов современники поначалу тоже встречали в штыки, поскольку общественному сознанию надо было научиться видеть в хаотической пестроте красок авторский замысел, угадывать в намеках штрихов целое произведение. Но, научившись этой процедуре, публика легитимизировала импрессионизм как направление искусства. Постмодернистский текст – своего рода импрессионистская философия. Для постижения такого рода текстов приходится менять на некоторое время «линзы», мыслительные установки, привычные настройки восприятия. Можно, конечно, отмахнуться, сказать, что все это вздор, бессмысленный набор слов, а можно, осуществив усилие по смене привычного взгляда, произвольно выстроить иное состояние сознания, осуществить процедуру, результатом которой станет неожиданное понимание автора.

В отечественной культуре XX в. работал философ М.К. Мамардашвили, и тот способ философствования, который он практиковал, представляется нам сегодня именно постмодернистским. В одной из своих статей М.К. Мамардашвили ввел понятие *презумпции ума* как принципа работы с философскими текстами. «Презумпция ума» означает, что не следует думать будто Декарт, Кант, или Ницше не видели тех недостатков своих концепций, которые обнаруживаем у них мы; как умные люди, они многое видели, но – *они не о том говорят!* И то, что мы замечаем недостатки концепций и не понимаем того главного, что авторы хотели до нас донести, – это проблема не Декарта или Ницше, а нашей неконгениальности, нашего сегодняшнего недопонимания. Иными словами, смотреть на авторов прошедших эпох свысока: этого не видели, того не учли – непродуктивная позиция, гораздо эвристичнее *услышать, о чем они говорят*.

Тот же принцип «презумпции ума» должен руководить нами, когда мы имеем дело с работами современников, поскольку прежде, чем приступать к погружению в постмодернистский текст, необходимо выстроить *особый функциональный орган понимания* – «глаза», в противном случае «сезам не откроется». *Чтобы увидеть и понять, что хочет донести до читателя автор, надо произвести некоторую работу над собой*, осуществить своего рода процедуру «феноменологической редукции» – очистить свое сознание от шаблонов, установок и готовых теорий. И здесь, на наш взгляд, в постмодернизме происходит любопытное сближе-

---

⁶ Об истории повседневности см: Оболенская, 1990; Ястребицкая, 1991.

⁷ Постигание постмодернизма сродни пониманию восточных культур, требующих для этого построения «функционального органа» видения, произвольного «разворота» сознания. понимание постмодернизма предполагает повышенную рефлексивность, семантическую «бдительность» и некоторое предварительное знакомство с правилами игры. «Постмодернистский текст творит нового читателя – принимающего правила множественности языковых игр, с удовольствием в них участвующего», пишет И.С. Скоропанова (Скоропанова, 2001, с. 60).

ние европейской философии с восточными традициями, где ученика долго готовят для возможности восприятия той или иной реальности (так, К. Юнг писал о «западной йоге», которая должна быть выработана европейской культурой самостоятельно, а не перенята с Востока) (см.: Юнг, 1994).

«Презумпция ума» (принцип «методологического сомнения») и коммуникативная рациональность стали методологическими достижениями постмодернизма.

XX в. был богат на «методологические повороты», такие как антропологический, лингвистический, исторический, культурологический, нарратологический, постмодернистский. «Лингвистический поворот» сделал язык ведущей методологической доминантой, возникло направление, известное как структурализм, оказавшее широкое влияние на различные науки. Не стала исключением здесь и психология. Однако в отечественной культуре 60-х годов XX в. структурализм оказал существенное влияние лишь на развитие тартуско-московской семиотической школы, связанной с именами Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, Б.А. Успенского и др., практически не затронув психологию. Последовавший «постмодернистский поворот» способствовал превращению структурализма в постструктурализм (различие между ними в том, что первый ориентирован на синтез, а второй на гетерогенность; структурализм использует системный анализ, а постструктурализм придерживается анализа сетевого и контекстного).

Подобный культурный контекст оказал влияние и на ментальные установки в целом. К концу XX в. интеллектуальный мир стал рефлексивнее и толерантнее: дурным тоном сделалось пребывать в убеждении, что исключительно наша точка зрения верна, а незыблемость личности – признак ее душевного здоровья. В психологии возникли теории множественной личности, а в методологию проникли идеи либерализма и «системного плюрализма». Пришло понимание того, что *любая теория спекулятивна* (особенно четко эту методологическую проблему высветил постпозитивизм), поскольку имеет в своей основе интуиции и *внелогические предпочтения*. Настало время для толерантности, для осознания взаимодополнительности разных познавательных «логик» – «божественной» (где $1=3$), «восточной» (где результат зависит от контекста), «научной» ($2 \times 2 = 4$), для *презумпции ума* (М.К. Мамардашвили).

Подобного рода культурные и ментальные предпосылки побуждают задуматься о методологических ориентирах развития психологии в этой новой реальности. Какая методология адекватна современности и способна решить встающие перед культурно-психологическим исследованием задачи? На наш взгляд, это методология постмодернистской, постнеклассической, сетевой парадигмы (название которой еще не устоялось, но общим ее признаком является установка на *коммуникативность* и «связь всего со всем»).

ПОСТМОДЕРНИЗМ КАК ЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ И ФЕНОМЕН ФИЛОСОФИИ

Изначальный смысл постмодернизма (по крайней мере, в концепции Ж. Деррида) заключался в *критике европейского рационализма*. Разработанный им методологический прием *деконструкции* служил цели *читать тексты критически*. Деконструкция была направлена против любого вида «центризмов», объединенных Ж. Деррида под термином «логоцентризм» (Herburn, 1999)⁸.

Возникновение постмодернизма связывают также с развитием «новейших средств массовой коммуникации». Постмодернизм стал *опытом духовного сопротивления тоталитаризму*, диктату идеологии, массовой культуре, навязываемой посредством масс-медиа. Это был рожденный европейской культурой способ защиты ума от «промывания мозгов». Постмодернизм

---

⁸ Заметим, что аналогичным образом в 1911 г. Г.Г. Шпет критиковал *логизм в психологии* за то, что абстрактные схемы психологических теорий загораживали живую действительность.

поставил во главу угла индивидуальность, вариативность, ситуативный контекст, а не универсальные схемы; частные интерпретации в постмодернизме оказывались важнее канона. Постмодернизм не только срывал маски, осмысливая и показывая, как осуществляются процессы означивания, но и значительно раскрепощал творческую активность.

Постмодернизм – эвристика, усилитель. Однако каждому он дает нечто в зависимости от того, что уже есть за творческой душой. Между тем, содержательная монография Н.Б. Маньковской позволяет заинтересованному исследователю глубже разобраться в феномене постмодернизма. Н.Б. Маньковская отмечает, что если в западном контексте назвать человека постмодернистом, то это будет воспринято как похвала, но у нас чаще всего слово «постмодернизм» вызывает негативное отношение. Что стоит за подобным негативизмом? Может быть, недостаточная осведомленность? Н.Б. Маньковская показывает, что «в настоящее время существует ряд взаимодополнительных концепций постмодернизма как феномена культуры» (Маньковская, 2000, с. 133). Следовательно, прежде, чем выносить суждение, стоит разобраться: о каком постмодернизме идет речь, в чьей конкретно авторской интерпретации? Так, для Р. Панвица (1914), А. Тойнби (1947), В. Вельша и Х. Кюнга (1990) постмодернизм представляет собой культурологическую реальность. Согласно А. Тойнби, постмодернизм означает конец доминирования западного стиля в культуре и религии. «Подлинно постмодернистская парадигма требует большего, чем плюрализм, релятивизм и историзм», – отмечает В. Вельш, а именно, «базисного консенсуса в отношении определенных человеческих ценностей и прав» (цит. по: Кюнг, 1990, с. 226). Для Х. Кюнга постмодернизм – это новое состояние эпохи, характеризующееся утратой доминирующих установок модернизма, касающихся роли разума, естествознания, евроцентризма, абсолютизма индустрии и демократии. Также Х. Кюнг считает поверхностным, хотя и распространенным мнение, что постмодернизм возник в последней четверти XX в. «Слово “постмодернизм” – это всего лишь предварительный шифр, отражающий то затруднительное положение, в котором оказывается исследователь, пытающийся дать определение новой эпохе, начавшейся в период первой мировой войны, эпохе, содержание и специфика которой исследуются все тщательнее и глубже, но все еще не определены с исчерпывающей точностью и полнотой» (Кюнг, 1990, с. 225).

Как известно, связной постмодернистской философии не существует, но это название объединяет мыслителей, обсуждающих различные проблемы постсовременной реальности. Так, Ж.Ф. Лиотаром был проанализирован статус знания в постмодернистскую эпоху, и если классическая наука находилась в конфликте с нарративами, то в постнеклассической науке Ж.Ф. Лиотар обнаружил ряд корреляций с постмодернистской эстетикой (Lyotard, 1979). М. Фуко изучал власть знания и роль бессознательного в историческом процессе. Он показал, что наши представления о реальности обусловлены языком, а за ним скрываются неявные источники власти (Фуко, 1994). Ж. Бодрийяр сфокусировался на отдельных темах «соблазна» и создании гиперреальности симулякра, когда образ, многократно усиленный техническими возможностями, берет верх над реальностью (отечественный пример, возникновение виртуальной партии «Единая Россия» на выборах 1999 г., доказывает, что такие исследования весьма актуальны). Ж. Деррида взял на вооружение темы языка и деконструкции. Деконструктивизм стал одним из влиятельных направлений современной литературной критики, в рамках которой новую литературную парадигму иногда разумеют под тяжеловесным названием «постструктуралистско-деконструктивистско-постмодернистский комплекс» (Скоропанова, 2001, с. 53).

Для Д. Белла и Ю. Хабермаса понятие «постмодернизм» изначально ассоциировано с постиндустриальными изменениями общества. Д. Белл, известный как автор концепции деидеологизации и постиндустриального общества, связывает с последним социокультурную возможность постмодернизма (его черты – гетерогенность, разнородность, плюрализм) (Bell, 1967). Но если для Ж.Ф. Лиотара открытия провоцируются разногласиями, то, согласно Ю. Хабермасу, согласие достигается посредством дискуссии: он вводит понятие «коммуникатив-

ной рациональности» как синтетического механизма преодоления противоречий. Заметим, что наша трактовка коммуникативной рациональности более широка, поскольку мы исходим из постмодернистской установки, в соответствии с которой чем сильнее способность *не отражать, а искажать* чужие теории, тем креативнее исследовательское сознание. На наш взгляд, *коммуникативная рациональность* – это инструмент, посредством которого из отдельных фрагментов складывается мозаика, и постмодернизм выступает здесь в качестве силы, позволяющей увидеть общую картину еще до того, как та стала реальностью. Например, концепция полифонии сознания и диалога М.М. Бахтина – это один фрагмент изменившейся реальности XX в., а теория самоорганизации И.Р. Пригожина – другой. Но это фрагменты одной картины, свидетельствующей о смене культурной парадигмы, включающей изменение и методов, и способов познания в целом. Характеристиками постмодернистской науки здесь становятся неопределенность, неverifiedируемость, антиномичность, диалогичность. Причем, *постнеклассическая наука возникает только в открытом обществе*.

Французский философ и историк науки М. Серр развивает идеи о недостаточности естественного и гуманитарного образования; результат первого он назвал «образованием без культуры», а результат второго – «культурой без образования». Он предложил способ осуществления коммуникации между гуманитарным и естественным знанием, названный им «беспорядочным энциклопедизмом». *Естественнонаучное и гуманитарное знание взаимодействуют*. Так, если естественные науки представляют собой центр, фокус с его атрибутами точности и четкости видения, то гуманитарные науки открывают горизонты, дали, но они смутны и расплывчаты. Согласно М. Серру, существует три основных способа познания: философский, научный и художественно-мифологический. На примере творчества Ж. Верна, Э. Золя (предвосхитившего своим генеалогическим древом Ругон-Маккаров будущие открытия генетики), Т. Лукреция М. Серр исследовал эвристичность совмещения (коммуникации) разных видов знания. *Теория информации*, согласно Серру, *и есть точка пересечения гуманитарного и естественного знания*. «Классическая рациональность вытеснила миф из науки в литературу и искусство. Задача постмодернистской культуры – воссоединить науку и мифологию с помощью эстетики», – заключает Н.Б. Маньковская (Маньковская, 2000, с. 217).

Ф. Джеймсон в своей концепции «психоидеологии» рассматривал постмодернизм как логику позднего капитализма, а Р. Рорти предложил неопрагматический подход к постсовременности. Согласно Р. Рорти, дискурс и коммуникация есть тот фундамент, на котором базируются представления об истине и рациональности. Ф. Гваттари и Ж. Делез изучали маргиналов как носителей творческой активности. Представление о *культуре как сети* также связано с этими авторами. В книге «Ризома» Ж. Делез и Ф. Гваттари описали две модели культуры: «древесную» и «ризоматическую» (грибница). «Ризоматическая культура воплощает нелинейный тип эстетических связей» (Скоропанова, 2001, с. 4).

У. Эко рассматривал взаимоотношения авангарда и постмодернизма. Причем категории «авангардизма» и «постмодернизма» у У. Эко наделяются расширенным, *культурно-историческим значением* как две критические фазы развития общества. Согласно этой концепции, всякая смена эпох предполагает свой «авангардизм» и свой «постмодернизм». Культурная роль «авангардизма» заключается в том, чтобы разрушить прошлое, освободить от него сознание, сделав его открытым к новому опыту, преодолеть закоренелые установки восприятия. У «постмодернизма» другая задача – осмыслить прошлое, приспособив его к изменившейся жизни (Эко, 1997). Иными словами, история культуры есть *ритм критического анализа и сетевого синтеза*.

Если после всего сказанного мы обратимся к работам М. Фуко и попробуем исследовать его метод как пример постмодернистского подхода, то снова обнаружим новаторство. Он вводит ряд новых понятий, таких как «эпистема», «диспозитив», «дискурс». Терминотворчество позволяет М. Фуко «застолбить» (этимологически «термин» – столб, определитель гра-

ниц), отразить обычно ускользающие от анализа реальности. Так, в работе «Слова и вещи» этот автор вводит понятие «эпистемы» – исторически изменяющейся структуры познания, которая лежит в основе эволюционирующих от эпохи к эпохе ментальности, науки, правил игры общества, социальных институтов. А сам способ постижения таких структур М. Фуко называет *археологией*. Он выделяет несколько эпистем: ренессансную, классическую, современную – в основе которых лежит особое соотношение слов и вещей, смена образов человека в культуре.

В своей работе «История безумия в классическую эпоху» М. Фуко исследует изменение образа безумия в культуре, правил игры, установление границ нормы и патологии, и приходит к выводу, что безумие – это культурно-историческое явление.

В работе «Воля к истине» М. Фуко использует понятия «диспозитив» и «дискурс». Понятие дискурса позволяет ему *объять необъятное*: дискурсы-знания, дискурсы-правила, дискурсы-практики соединяют между собой слои познания, этики, реальной деятельности и социального контекста. «Собственно диспозитив – это сеть, которая может быть установлена между этими элементами» (Фуко, 1997, с. 368). Более того, в своем исследовании М. Фуко удается сочетать такие разные методологические установки, как марксизм, экзистенциализм и феноменологию. Мы видим здесь в действии *сетевой подход*, или *коммуникативную рациональность*. Понятие «диспозитив», объединившее в себе разнородные реальности, становится залогом целостности анализа.

ПСИХОЛОГИЯ И ПОСТМОДЕРНИЗМ

Обрисовав интеллектуальный контекст, обусловленный постмодернистским мировосприятием, обратимся к связанным с постмодернизмом проблемам, обсуждаемым в современной западной психологии. Первый узел этих проблем затрагивает непосредственные возможности постмодернистской психологии. Второй круг вопросов касается осмысления сходства и различия между личностью и субъективностью в постмодернизме и позицией практической психологии. Третья тема размышлений посвящена постмодернистской критике, идущей от феминистской и марксистской перспектив (Psychology and Postmodernism, 1994; Dimen, 1995).

Насколько постмодернизм и психология – вещи совместимые? Что может постмодернизм предложить современной психологии? Ответы на эти вопросы разнятся.

Считается, что постмодернистский дискурс находился в поле зрения искусства и гуманитарных наук и лишь недавно привлек внимание антропологии, социологии, педагогики и политологии (Fox, 1994; Piker, 1998; Sherwood, 1994). Тем не менее, проникновение постмодернизма в психологию на самом деле уже совершалось неявным, не всегда заметным образом (см.: Cazenave, 1994; Combs, Freedman, 1994; Holzman, 1999; Teicholz, 1998). *В открытую же психология встретила с постмодернистским дискурсом в качестве радикального конструкционизма социальной психологии, в системной терапии, в некоторых направлениях культурной психологии.*

Когда представители постпозитивизма во второй половине XX в. показали, что научное знание небыстречно, то на эти эпистемологические обсуждения не замедлили откликнуться и психологи. Так, Р. Харре подверг сомнению каузальный психологический дискурс (Харре, 1995). Дж. Брунер посвятил ряд статей размышлению об *особой логике нарратива* (Брунер, 2001; Bruner, 1985). К. Джерджен описал две модели науки, относящиеся к парадигмам «модернизма» и «постмодернистского поворота» (Gergen, 1994). *Модернизм* в науке связан с верой в познаваемость мира, в универсальность его черт и силу эмпирических методов, с представлениями о прогрессивной природе знания и независимости результатов исследований от личности. Однако «постмодернистский поворот» предложил психологии новые пути концептуализации самой себя. «Сущность постмодернистской школы – критическая саморефлек-

сия» (там же, с. 24). Постмодернистская мысль открывает безграничные перспективы осмысления для дисциплины. «После постмодернистских исследований метод в психологии увиделся как вводящие в заблуждение, но вполне оправданные изобретения» (там же, с. 24).

Среди новых возможностей, предоставленных психологии постмодернизмом, К. Джерджен отмечает также «технологическое продвижение» (вариативные формы терапии и образования), «культурную критику», «конструирование новых миров». Так, психологи не только конструируют мир своими терминами (создавая стереотипы: например, что «мужчины более рациональны, чем женщины»), но и являются активными участниками сотворения культуры в целом. Поскольку *само по себе изменение дискурса с «говорить как есть» на «говорить как должно быть» влечет за собой изменение реальности*, то «каждое воссоздание нашего понятия образа человеческого действия открывает новые культурные возможности» (Gergen, 1994, с. 28).

К. Джерджен показывает, что, *по контрасту с академической психологией, современная практика реабилитационной психологии оказывается конгениальной постмодернистской мысли*, поскольку имеет дело с развивающейся индивидуальностью человека и сосредоточивается на ситуативных и контекстуальных смыслах человеческой деятельности. Поэтому теоретическое знание академической психологии нередко вступает в конфликт с эмпирическим знанием повседневности. Психотерапевтическая же практика предпочитает теоретическому знанию «гетерогенные и качественные знания» повседневного мира, приобретающие достоверность в личном опыте (Gergen, 1994).

В современной зарубежной психологии, как показывают исследования самого К. Джерджена, происходит увеличение роста эпистемологических обсуждений. Например, такое направление в психологии, как *конструкционизм*, заставило обратить внимание на социальную обусловленность знания. Широкое место в психологических дискуссиях западной психологии занимают и обсуждения альтернативной методологии. Приверженцы феноменологического подхода предлагают новые формы качественных исследований. Герменевтическая психология исследует возможности диалогической психологии. (Заметим, что эти поиски перекликаются с представлениями М.М. Бахтина о *методологии гуманитарных наук* и с отечественным интеллектуальным стилем в целом – мыслить индивидуума в изначальном единстве с его социальным контекстом). Некоторые психологи также возлагают определенные надежды на обмен опытом с религией и культурой (см.: Holzman, 1999; Chaiklin, 1994).

Таким образом, критическая дискуссия в философии науки, с одной стороны, и развитие методологии гуманитарных наук, связанное с нарратологическим, культурологическим и постмодернистским «поворотами», с другой стороны, привели к неизбежности методологического переоснащения психологии. Наш наш взгляд, это переоснащение в целом укладывается в понятие «постнеклассической рациональности»⁹.

Методологические установки, проистекающие из постмодернистской критики, такие как *релятивизм* (множественность интерпретаций, принцип «методологического сомнения») и *культурная аналитика* (все видится как текст и предполагает анализ текста), нашли отражение в проектах *культурной психологии* Р. Шведера и Дж. Миллер. Другим плодом постмодернистской критики оказались направления *социального конструкционизма*, ярким выразителем которого стал К. Джерджен. *Социальный конструкционизм* основывается на следующих теоретических положениях: 1) знания и психологические процессы контекстуально обусловлены; 2) понимание – совместная деятельность людей, ведущая к конструированию миров; 3) истина – не в эмпирической обоснованности, а в эволюции социальных процессов; 4) модель

---

⁹ «Постнеклассическая рациональность, с которой ассоциируется постмодернизм в науке, – отмечает Н.Б. Маньковская, – характеризуется повышением субъективности, гуманистичности, самокритичности научного познания, пересмотром таких его классических критериальных оценок, как объективность, истинность» (Маньковская, 2000, с. 199).

мира задается исторически преходящими видами деятельности и формами социального действия (Джерджен, 1995). Сила постмодернистского дискурса в целом проявляется в его критическом потенциале. Постмодернистская мысль открывает для психологии перспективы критического самоосмысления (Gergen, 1994). К. Джерджен также обосновывал необходимость рефлексивной установки по отношению к процессу получения знания самим исследователем. И это – общая черта социального конструкционизма и постнеклассической рациональности.

К. Джердженом были выделены две основные методологические установки, лежащие в основе тех или иных концепций: представления об (1) *экзогенной* или (2) *эндогенной* природе знания. Первую установку разделяли Дж. Локк, Д. Юм и позитивисты, из второй предпосылки исходили И. Кант, Ф. Ницше и феноменологи. Но конструкционизм не следует ни одной из этих традиций, принципиально отказываясь от дихотомии объекта и субъекта. И здесь мы обнаруживаем его очевидное пересечение с идеями М.М. Бахтина и М. Бубера. В свою очередь, коммуникативная концепция рациональности сближает К. Джерджена с Ю. Хабермасом. Много общего также обнаруживается в представлениях К. Джерджена и П. Фейерабенда. Истина и достоверность знания, согласно К. Джердженому, не могут быть подтверждены ни эмпирическим путем, ни следованием определенному методу. *«В этом смысле пригодной может оказаться любая методология – до тех пор, пока она позволяет аналитику углубляться во все более сложные обстоятельства (курсив мой.– М.Г.)»* (Джерджен, 1995, с. 71).

Методология К. Джерджена, на наш взгляд, представляет собой образец *постнеклассической рациональности в психологии*. Так, разрабатываемая им новая методологическая парадигма предполагает: 1) интеграцию теоретических и прикладных исследований посредством применения психологического инструментария для решения текущих социальных проблем (*социальная аналитика*); 2) переход от установок прогнозирования к повышению социальной восприимчивости посредством психологического «просвещения» общества (т.е. распространение знания становится катализатором социальных процессов); 3) поиск «социальных индикаторов», реагирующих на «психологические сдвиги» (и, продолжим, – «психологических индикаторов», регистрирующих сдвиги социальные); 4) поиск методов, позволяющих дифференцировать социальные феномены по степени их исторической стабильности; 5) междисциплинарный дискурс, внимание к стратегиям и навыкам профессиональных историков, интерес к культурным контекстам (Джерджен, 1995).

Согласно К. Джердженому, ни логические доказательства, ни эмпирические методы не в силах служить подтверждением теории, поскольку все замки теорий строятся на зыбком песке постулатов, сложившихся в результате социальных конвенций. А всякое социально-психологическое исследование есть, прежде всего, исследование *историческое*. Так, социальная психология для автора концептуализируется как *идиографическая наука*, поскольку в ней *не существует универсальных закономерностей, а есть сеть взаимоотношений и*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.